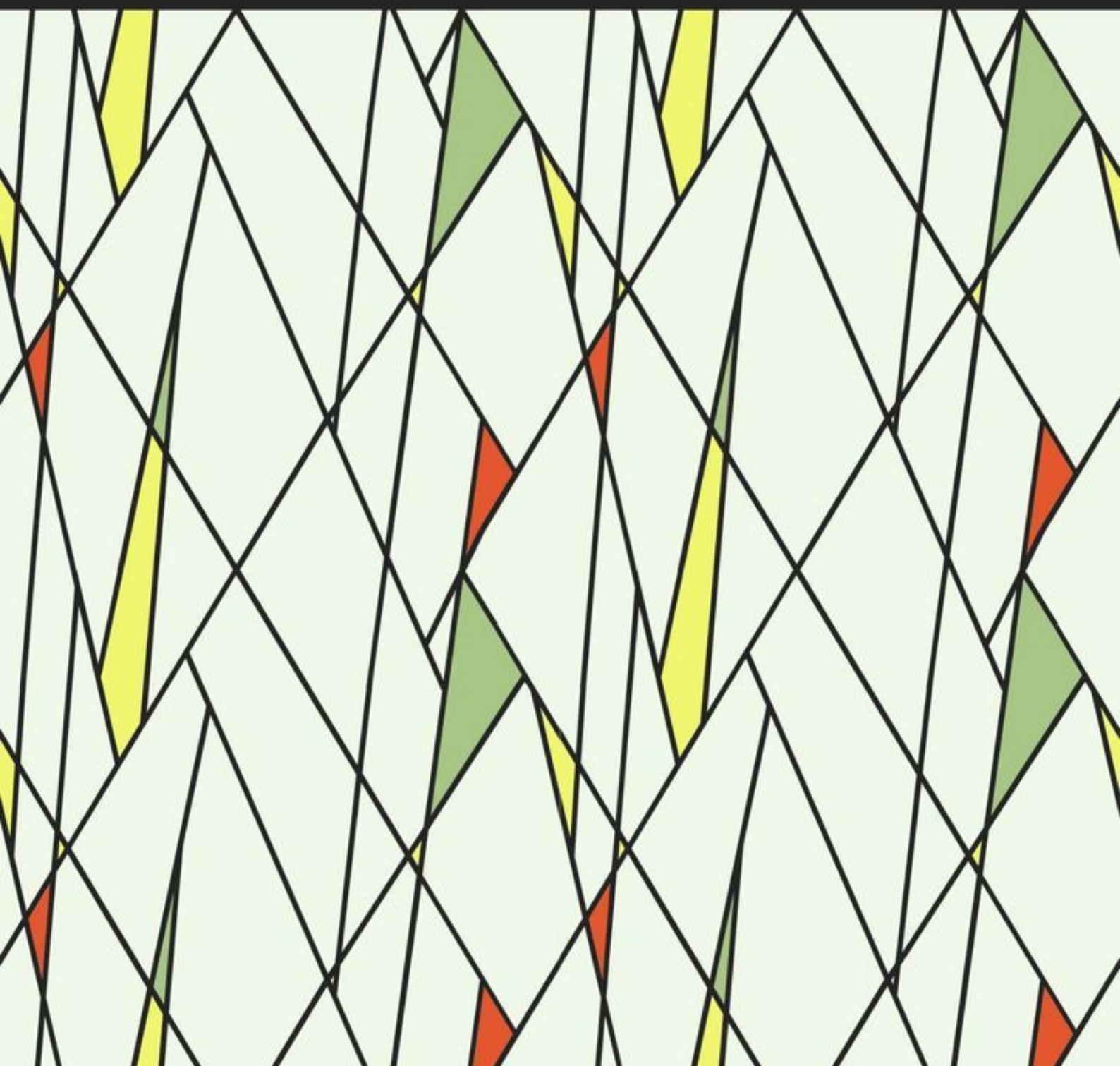

18+

Ярослава Казакова

Дорогами Карны

Повесть-сказка

Ярослава Казакова

Дорогами Карны. Повесть-сказка

«Издательские решения»

Казакова Я.

Дорогами Карны. Повесть-сказка / Я. Казакова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-504042-8

Обычная студентка впервые в жизни попадает на раскопки, и там начинается такое... Книга не претендует на историческую достоверность. Персонажи и события вымышлены. Совпадения случайны.

ISBN 978-5-00-504042-8

© Казакова Я.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	18
Глава 6	20
Глава 7	23
Глава 8	28
Глава 9	30
Глава 10	33
Глава 11	36
Глава 12	40
Глава 13	43
Глава 14	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дорогами Карны Повесть-сказка Ярослава Казакова

© Ярослава Казакова, 2019

ISBN 978-5-0050-4042-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Надо, во что бы то ни стало, согнать с себя эту сонную одурь. Я, ведь, не у себя дома в опочивальне, а явно где-то в людном месте: словно сквозь вату доносятся до меня многочисленные приглушённые голоса. Чувствуется, что люди стараются говорить потише. Иногда раздаются вежливые смешки и какое-то позвякивание. «Посуда,» – промелькнуло в затуманенном мозгу.

В следующую секунду я вздрогнула, потому как ощутила на щеке и шее чьё-то постороннее дыхание.

– С вами всё в порядке? – услышала я участливый женский голос.

Голос был совершенно незнакомым, но его интонации были настолько добрыми, что мысли о грозящей мне опасности, не успев вспыхнуть, погасли. Я потрясла головой и этим окончательно разогнала остатки своей странной полудрёмы.

– Да-да, конечно! – ответила я бодренько и подняла глаза на женщину, склонившуюся надо мной.

Это была не женщина даже, а совсем молоденькая девушка. Как только родители не боятся отпускать её на работу? Впрочем, место здесь приличное и чистое. И, если чадо желает самостоятельности, то почему бы и нет? Моя любимая кофейня в самом сердце нашего города!..

Минуточку! Какого города? Что за кофейня ещё такая? И это – моя?.. На секунду я впала в полнейшее оцепенение. Мир вокруг меня, только что обрётший ясность и узнаваемость, снова закрутился, пытаюсь слиться в какую-то непроглядно-серую воронку. *чья*

Кажется, нахлынувшие мысли и чувства мгновенно отразились на моём лице, потому что юное создание ещё более участливо поинтересовалось:

– Вы уверены?

– Да, всё в порядке! – снова, как можно бодрее, соврала я. Действительно, всё в полном порядке, не считая того, что я не помню, кто я такая, где живу и как сюда попала.

Взяв себя в руки, я начала лихорадочно соображать, что ещё говорят в таких случаях. Память услужливо выдала фразочку про счёт.

– Принесите счёт, пожалста! – Энергично выдала я.

Лицо девушки слегка вытянулось в вежливом недоумении.

– Так, вы даже не притронулись к кофе! Он совершенно остыл. Принести вам горяченького?

При мысли о горячей жидкости меня почему-то передёрнуло.

– Нет, ни в коем случае! – запретила я, вызвав новую волну недоумения. – Я всегда пью только холодный кофе и никакой больше. Мне так нравится!

Девушка, по-видимому, осознав мою безнадежность, плавно удалилась и появилась через минуту, неся папочку с чеком. Удовлетворённо отметив, что сумма в нём соответствует чашке моего «любимого» холодного кофе, я открыла сумочку. Чего в ней только нет – чёрт ногу сломит! Под руку попались губная помада, ключи от машины, ключи от квартиры, ещё какие-то ключи... Что за напасть? Ключницей я, что ли, работаю? (Я работаю? Интересно, где. О, Боги, что за бредовая ситуация!)

Докопавшись до дна серебристо-серой сумки-конверта, я выудила-таки что-то, напоминавшее, кошелек. Это был кокетливый тёмно-красный, расшитый бисером, кошелечек. Неожиданно.

Расстегнув застёжку-молнию, я приятно удивилась тому, что денег на оплату счёта хватает. Однако это была почти вся моя наличность. Торопливо сунув деньги в папочку, я отхлеб-

нула несколько глотков остывшего кофе, чтобы совсем уж не огорчать молоденькую официантку. На вкус – чистая отравка. Стоп, стоп и ещё раз стоп!

Отравка? ?! *Отравка*

Что-то во мне всколыхнуло это слово. Мысли, словно частицы кофейной гущи, заплывавшие после встряхивания чашки, принялись беспорядочно кружиться. Остановить их «бродуновское движение», которое, как я уже поняла, всё равно ни к чему не приводит, удалось только очередным усилием воли. Хватит. Пора уходить отсюда, пока я чего-нибудь не натворила и не поехала отсюда в компании санитаров, наряженная в последнюю модель смирительной рубашки.

Покидав в сумочку всю свою коллекцию ключей, помаду и прочее барахло, я устремилась к выходу. Прямо у входной двери висело большое зеркало, отражавшее человека в полный рост.

Мельком взглянув на себя, я вздрогнула и в очередном приступе полного недоумения застыла перед холодным, бесстрастным стеклом. То, что оно отражало, вовсе не было ужасным или безобразным, просто я ожидала увидеть в этом зеркале совсем другое лицо. Какое другое? Не знаю. Любое, только не это.

Да, что там лицо! Я вообще надеялась встретить в зеркале совсем другого человека! Это не мой рост, не моё телосложение, не моё... всё, одним словом не моё. Вот, только это выражение лица потерявшей в новой большой квартире пятилетней девочки было знакомым. Да, и с состоянием, мягко говоря, крайнего удивления в последние полчаса я уже успела сродниться.

Из зеркала на меня смотрела бледнокожая молодая женщина с точёными чертами лица и выющимися светло-рыжими волосами. Ростик у неё был не большого и не маленького, так, ни то ни сё. Шею имела тоненькую, я бы даже сказала жалкую. Ручонки худенькие, запястья, словно у ребёнка, хотя возраст явно далёк от подросткового. В общем, соплей перешибёшь.

Одета в какие-то широкие чёрные штаны, подметавшие пол, и облегающую блузку вишневого цвета. Последняя ей, то есть мне, очень шла, поскольку идеально сочеталась с краской стыда, постепенно заливавшей моё лицо. Рыжие люди часто бывают белокожими и очень легко краснеют. Мама говорила ещё...

Стоп! Мама – вот начало начал. Мама часто рассуждает о рыжих белокожих людях вроде меня и называет меня при этом... Как же она меня называет? В мозгу возникло и принялось кривляться на все лады опять то самое слово. Отравка. При чём тут отравка?! Мама-то как меня звала?

Подавив желание просто разреваться при всём честном народе, словно коровушка на выгоне, я метнулась к выходу, чуть не сбив с ног молодую парочку. Как они умудряются везде ходить в обнимку и не застревать при этом в дверях? Благодарение мне – застряли.

– Смотреть надо! – пропищала похожая на встрёпанного воронёнка девушка, уставившись на меня круглыми глазами-сливами.

Её спутник в грязно-бежевой ветровке что-то возмущённо, но словно бы понарошку, забубнил, явно не собираясь устраивать настоящий скандал.

Пробормотав дежурные извинения, я кинулась дальше и в итоге очутилась на парковке. Вытащив из сумочки ключи от машины, я на миг застыла, соображая, которая из них моя. Тут меня осенило: кнопка сигнализации! Какая машина ответит, та и моя. Ответил седан тёмно-вишневого (что за напасть?!) цвета. Не самое крутое на свете авто, но и далеко не позорное. Ключ подошёл. Вот, и ладненько.

Усевшись на прохладное серое сидение, я снова принялась рыться в сумочке. Знакомые уже несколько связок ключей непонятно от чего, расшитый бисером и почти пустой кошелёчек, разбухшая от бумаг, бумажонок и бумажечек записная книжка и, наконец-то ценная находка – портмоне! Так это теперь называется.

Открыв его, я обнаружила довольно крупную сумму денег (Зарплату получила!) и самое ценное – водительские права. С фотокарточки на меня немного испуганно смотрело всё то же чужое лицо, а, вот, имя... Имя мне решительно ни о чём не говорило. Безликое, в общем, имечко. Как раз такое, какое подходит к этой бесцветной физиономии.

«Козленко Наталья Ростиславовна,» – гласила надпись на светло-розовом ламинированном документике. «Ненавижу своё имя,» – подумала я как-то дежурно, без эмоций, и тут меня прорвало. Воспоминания нахлынули разноцветной волной, сметая на своём пути все страхи, недоумение и опасения.

Глава 2

Ненавижу своё имя, потому что в детстве меня постоянно дразнили Наташкой – какашкой. Весёлое было времечко. Учитывая мой рыжий цвет волос и самую дурацкую на свете фамилию (Моя девичья фамилия – Морко, именно так, и никак иначе!), которую невозможно было назвать без того, чтобы её не переспросили раза три, можете себе представить, как мне жилось. Я постоянно в детстве дралась, не отличаясь при этом богатырским телосложением, поэтому вечно ходила в синяках и шишках.

Ещё и отчество – Ростиславовна. Жуть. Коллеги постоянно меня подкалывали, пока не наполучали каждый раз по двадцать. Им всё время казалось, что сравнивать имя моего папочки с названием сети быстрого питания «Ростикс» – очень остроумно. Года два ушло на то, чтобы убедить их в их неправоте. В общем, на работе я ни с кем не дружу. Да, и ни к чему это при моей должности. Мне нет ещё и тридцати, а я уже директор по персоналу крупной торговой компании.

«Стройсбыт» – вот, как она называется, простенько и со вкусом. Хозяин специально дал фирме в самом начале нулевых такое название, чтобы граждане, ностальгирующие по строительству коммунизма, выбирали из множества торговых фирм именно нас. Он не просчитался – без клиентов мы не сидим, а дело постепенно расширяется. Магазины строительных и отделочных материалов под нашим названием бойко торгуют уже по всему нашему региону, а один недавно открылся и в соседнем.

На работе меня считают офисной акулой. Я не люблю модное нынче словечко «стерва». Стерва – это, по словарю небезызвестного В. Даля, труп крупного рогатого скота. Дохлая корова, например. Падаль, одним словом. Не зря, ведь, хищных птиц, охочих до неё, называют стервятниками. Акула тоже стервятник, но не стерва. Что касается акулы офисной, то питается она исключительно наглым, ленивым и вороватым офисным планктоном. На том и стоим.

В детстве, мечтая о будущей профессии, я никогда не думала, что окажусь там, где оказалась. Я была разносторонним ребёнком, и у меня многое получалось хорошо. Точнее, хорошо получалось всё, кроме физкультуры. Терпеть её не могла. Этот запах спортивного зала и раздевалки... Фу, рвотный порошок! Ещё – необходимость корячиться при мальчишках то на брусьях, то на мате и переодеваться в какие-то уродливые тряпки, которые не идут никому...

Мне, например, ясно, как божий день, почему в современном мире столько разводов. Это всё из-за совместных для девочек и мальчиков уроков физкультуры. Когда на представителях противоположного пола практически ежедневно видишь это безобразие – штаны с оттянутыми коленками, олимпийку или толстовку, приделывающую пузо даже самому стройному телу, либо отвратительную футболку из тонкого, противного трикотажа, уважения к противоположному полу остаётся немного. Ручьи пота, стекающие с красного, опухшего лица, мокрые подмышки и прочее в этом роде добивают его остатки, а состояние злобы и раздражения, сопутствующее любым групповым спортивным занятиям, способно разжечь самую настоящую ненависть, причём надолго.

Из школьных «чудесных» лет мы переносим многое во взрослую жизнь, и это никак не идёт на пользу семейным отношениям. Когда на физкультуре мальчик обзывает тебя безмозглой тварью и овцой из-за какого-то грязного мячика, а сама ты отвечаешь ему тем же, если не хуже, это постепенно становится нормой поведения.

В общем, я за раздельное обучение физкультуре, да, и всем остальным предметам, для мальчиков и девочек. Не бережём ореол романтизма с детства, а потом удивляем, куда девалась романтика из повседневной жизни, откуда столько хамства и почему большинство семей распадаются, не успев возникнуть. Ещё практика показывает, что очень редко школьная пер-

вая любовь имеет продолжение и ещё реже переходит она в семейные отношения. Лично для меня в этом нет ничего удивительного.

Что касается меня, то свою первую и, кажется, последнюю любовь я встретила в университете аж на втором курсе. Для моего поколения, чья молодость пришлась на начало девяностых, это достаточно долгие поиски. Вся родня меня уже к тому времени успела заклеить как будущую старую деву. Но, не тут-то было! Моя «неземная» красота сделала однажды своё дело.

Как-то раз недотёпу с соседнего геологического факультета привлёк блеск моих волос в солнечный день на университетском дворе. Этот парень говорил позднее, что они были тогда похожи на поток расплавленного золота. Он зачем-то обратил на это внимание своих однокурсников. С того момента отбоя от поклонников с геологического у меня не было.

Жаль только, что большинство их было большими любителями «бухнуть», и разговоры их постоянно вертелись вокруг выпивки, что всегда утомляло и отталкивало меня, да, и дальнейшую жизнь с выпивохой-мужем я представляла себе плохо.

Словом, свиданий стало много, но большинство из них заканчивалось в лучшем случае чистой дружбой. Собственно говоря, как друг я была для них тоже ни то, ни сё. Событилица-то из меня никакая, а без бутылки для таких людей нет и дружбы, как и любви, и всего остального.

Среди всего этого великолепия друзей – пьянчужек выделялись несколько парней, полностью равнодушных к спиртному: два примерных мальчика из семей местных «шишек», издёрганный нелепый очкарик и иногородний спортсмен Валера, неброский, но приятный. Кстати, обратил на меня внимание в тот солнечный октябрьский день один из тех примерных мальчиков, Эдик.

Эдичка потом молча страдал, наблюдая мою невероятную популярность у однокурсников, но близко не подходил. Он признался мне в своих чувствах через несколько лет, когда позвонил, чтобы поздравить с рождением дочки, моей взбалмошной и непоседливой Ярославы свет – Валерьевны. Кажется, в тот вечер он был изрядно пьян. Со временем и он, и другой примерный мальчик из приличной семьи начали пить так, как не снилось их разбитным однокурсникам. Видимо, оба были совершенно не готовы к жизни в нашем странном и непредсказуемом мире.

Некоторые из моих друзей-геологов, неравнодушных к спиртному, сумели покончить со своим пристрастием, а кого-то из тех, кто продолжил кормить алкогольный бизнес, уже и в живых нет. Самая «популярная» смерть – выпал из окна. При этом никто не верит в самоубийство: как же так, он был такой весёлый! Вот, хочется сказать, и довеселился. Допился, допелся и доплясался.

Ещё умиляет, когда о таком человеке говорят посмертно, что он любил жизнь. Ну, да, до такой степени любил, что убивал себя каждый или почти каждый день алкоголем и прятался от неё за бесконечной чередой развесёлых гулянок.

Я никогда не тяготела к подобным вещам, всегда много размышляла, но при этом долго не могла определиться с профессией. Математика и русский шли у меня одинаково хорошо, а родители для верности в старших классах ещё и репетиторов по этим предметам наняли из универа. Кроме двух основных предметов я обожала химию, биологию, историю, литературу, английский. Словом, почти всё.

Учась в основной школе, занималась параллельно музыкой, рисованием, участвовала во всех школьных спектаклях, правда роли получала обычно маленькие, но меня это не расстраивало. Из любой роли можно сделать «конфетку». Меня обычно хвалили педагоги и награждали аплодисментами зрители.

На уроках по начальной военной подготовке в цикле медзнаний я лучше всех усваивала материал, постоянно пыталась приходящую учительницу-медсестру просьбами рассказать побольше, делала самые лучшие повязки. Словом, попробуй тут, определись.

Выбор будущей профессии произошёл для меня самой неожиданно, уже после выпускного вечера. Пришла я зачем-то в школу, кажется, забыла там какую-то вещь, и встретила в коридоре нашего историка. Он преподавал у нас только в последний год, сменив нашу любимую историчку, которая ушла на пенсию. Это было огорчительно. Мы все просто обожали нашу «бабу Любу», как мы её любя называли, естественно, за глаза.

Оглядываясь назад, я понимаю, что ничего особенного в уроках бабы Любы не было. Просто она каждому давала возможность высказаться, вот и весь секрет. При этом Любовь Тимофеевна умудрялась обходиться без нажима и «репрессий». Дисциплина была идеальной, параграфы выучивались от корки до корки, дополнительная литература исправно бралась в библиотеке и читалась в драку.

На уроках каждый стремился рассказать то, что узнал из книг. Бабе Любе и напрягаться-то особенно не приходилось, мы сами всё рассказывали. Позже я узнала, что у нашей любимой учительницы истории не было педагогического образования, она в своё время отучилась на юриста, но по каким-то причинам не смогла работать в «органах». Думаю, именно в преподавании и было её истинное призвание.

Сменивший бабу Любу историк-дяденька так вести уроки не умел, да, и не хотел. У него была своя методика, которая поначалу пришлась нам не по нраву, но, спустя некоторое время, мы оценили и его. Он заставлял нас в поисках ответов на вопросы перерывать горы периодики. Согласитесь, в выпускном классе это сложно. Однако постепенно мы втянулись и даже вошли во вкус.

Николай Андреевич научил нас работать с большим объёмом информации, думать и анализировать. Очень ценные для современного мира умения. Многие теперь вспоминают его уроки с благодарностью. Только тех доверительных отношений, как с предыдущей учительницей, у нашего класса с ним так и не возникло. Мы не смогли простить новому историку её уход, хотя каждый умом понимал, что Николай Андреевич здесь ни при чём. Просто Любовь Тимофеевна давно уже трудилась после пенсии и ушла, выпустив свой «родной» класс.

Так, вот, в тот день после выпускного историк как-то необычно со мной поздоровался, не как с ученицей, а как... с человеком что ли, не знаю, как это выразить. В общем, мы, что называется, «зацепились языками». Николай Андреевич очень интересно рассказывал о годах своей учёбы! Особенно впечатлили меня его рассказы о поездках в археологические экспедиции.

Учитель не скрывал, что экспедиции – это, прежде всего, тяжёлый рутинный труд под палящим солнцем. Только какая же это непередаваемая радость – дотронуться руками до тех предметов, которыми пользовались далёкие предки! Тех людей давно уже нет, и память о них стёрлась, зато есть мы, их потомки, и мы можем в буквальном смысле прикоснуться к тому невероятному прошлому, когда они жили, дышали, любили и ненавидели, защищались от врагов, готовили еду и воспитывали детей. Возможно, кто-то из них имел отношение и к тебе лично. В такие моменты, как никогда понимаешь, что выражение «связь времён» – реальность, а не пустой звук для украшения речи.

Словом, я была очарована рассказами Николая Андреевича, и на следующий день мои документы уже лежали в приёмной комиссии исторического факультета. Поступить туда с моей подготовкой труда не составило, да, и конкурс был невелик. Запредельным был конкурс в торговые и экономические вузы. Что поделать, шли времена дефицита, точнее, самые последние его времена, а ночь, как известно, наиболее темна перед самым рассветом.

Меня никогда особо не интересовали материальные блага. Я отношусь к тем счастливым, кто довольствуется тем, что имеет и всегда имеет то, что нужно. Поэтому выбор мой можно было назвать с одной стороны крайне непрактичным, с другой стороны это был выбор моей души.

На первом курсе я отчаянно рыла носом землю, чтобы успевать по всем дисциплинам на «отлично» и лезла из кожи, чтобы понравиться всем преподавателям. Мало ли, кто из них отвечает за набор в экспедиции или хотя бы может замолвить словечко за студента? У меня всё получилось. Я всегда добиваюсь того, чего хочу. Правда, то, чего я добиваюсь, всегда оказывается не тем, что я себе представляла. Жизнь!

Как бы там ни было, на первом курсе, я весь учебный год лелеяла мысли о поездке по маршрутам древних людей, представляла, как я буду терпеливо, слой за слоем, снимать пески времён, очищать кисточками разных калибров свои находки и потом, в тиши кабинета описывать их.

Когда я увидела в списке принятых в экспедицию свою фамилию, радости моей не было предела. Точнее, он был: очень хотелось взмыть в небеса от счастья, да, вот, не летают люди, что тут поделаешь? Меня даже не смутил тот факт, что в этом списке почти нет фамилий девушек, и на двадцать юношей, среди которых ни одного первокурсника, всего три девушки, включая меня. Меня вообще в тот момент ничего не смутило.

Глава 3

Сборы прошли в какой-то весёлой лихорадке. Запомнились только заполошнные пере-звоны с подругами и мамины глаза, полные страха за дочь, задумавшую непонятно что. Как мы ехали к месту раскопок, как разбивали лагерь, что мы пели и чем питались по пути, помню слабо. Зато навсегда запомнился первый экспедиционный день. Такое сложно забыть.

Примерно в половине четвёртого утра меня разбудил наш препод, руководитель экспедиции, весёлый и говорливый старикан, Егор Степанович (за глаза просто Степаныч), знавший и умевший, казалось, всё на свете. Он энергично потрепал меня по плечу и, дождавшись, пока я выберусь из спального мешка и немного приду в себя от сна, торжественно вручил мне... нет, вовсе не лопатку и не набор кисточек, а самый обыкновенный половник!

– Я сегодня дежурная? – Спросила я первое, что пришло в голову.

– Да, лапа моя! – Бодро отозвался Степаныч. – И сегодня, и завтра, и послезавтра.

Я подумала, что это такая шутка или что-то вроде крещения для новичков. Хлопая глазами, я оглядела палатку. Парни мирно спали и даже не думали подниматься. Степаныч, между тем, развернул меня к выходу, слегка хлопнул по задку и напутствовал:

– Ступай, душа моя. Остальные девки тебя уже дожидаются. Да, не копайтесь там, а то с завтраком опоздаете.

Окончательно растерявшись от подобного напора, я отправилась туда, куда меня послали, а именно к кострищу, где уже сиротливо жались друг к другу близняшки Лена и Оля, единственные кроме меня особы женского пола в этой экспедиции. Девушки озябли на предутреннем ветерке, и вид имели самый жалкий. Думаю, я выглядела в тот момент не лучше.

Хмуро поприветствовав друг друга, мы принялись за готовку. Мне было поручено развести костёр, Оля как самая спортивная и крепкая отправилась за водой к ручью (всего-то 1,5 километра!), а Лена принялась вяло рыться в припасах.

Через каких-нибудь полтора часа наша каша закипела и забулькала. К этому времени ребята начали подниматься. Ну, и видок был у всех! Сразу вспомнились незабвенные уроки физкультуры. Наконец, каша была готова, и те злосчастные уроки вспомнились ещё ярче. Ребята плевались от нашей стряпни и ругали её последними словами. И не только её. Нам тоже досталось изрядно. Оля принялась с ними переругиваться, Лена разрыдалась и убежала за палатку. Я же просто застыла на месте с тем приснопамятным половником в руках и не могла вымолвить ни слова.

Степаныч принялся заступаться за нас, объясняя парням, что не мог найти других, более опытных поварих. Что поделаешь, если все студентки, побывавшие в подобных «турах», больше ни за какие коврижки на них не соглашаются? Вдоволь поиздевавшись над кашей и стряпухами, ребята разобрали инструмент и двинулись к месту раскопок. Это было городище праславян, которое, как вскоре выяснилось, нам с девочками ещё не скоро предстоит увидеть.

На прощанье Степаныч отечески подбодрил нас, оставил меню обеда, дал несколько умных и дельных советов по поводу готовки и отбыл во главе экспедиции. Мы с Олей остались у погасшего костра. Вскоре к нам присоединилась и Лена, наревавшаяся к тому времени вдоволь. Многих такие девушки раздражают, а я им в глубине души завидую. Жаль, я так не умею. Это же так здорово: поплакал, и стало легче, а если поплакать в нужном месте и в нужное время, то можно решить проблемы посерьёзнее простой психологической разрядки.

Оля в отличие от сестры (они были очень разными по характеру и поведению) принялась ругаться, словно подвыпивший проводник плацкартного вагона, и ей тоже спустя какое-то время полегчало, а я в сложных ситуациях обычно впадаю в ступор и очень долго эти ситуации переживаю мысленно вновь и вновь. Они прокручиваются в моей голове, словно кадры осточертевшего фильма, и это очень усложняет жизнь.

Обед у нас вышел почти таким же говённым, что и завтрак. К счастью, наши мучители явились страшно голодными и почти не вякали, поедая наши кулинарные «шедевры». К ужину мы кое-что успели освоить, да, и парни приползли настолько уставшими, что им было уже не до воспитательных мер по отношению к нам. Наскоро поев, они, словно брёвна, повалились спать.

Никаких вам песен под гитару и разговоров у костра! В нескольких километрах от места раскопок плескалось море, но мы ни разу за всю поездку не добрались до него и не окунулись, некогда было. Из романтики – только бездонное тёмно-синее небо с ярко-голубой россыпью звёзд и красавица Луна, всегда такая разная, но неизменно прекрасная и недоступная и почему-то немного пугающая.

Ещё запомнилось невероятное, какое-то сверхъестественное пение цикад, не нарушаемое никакими посторонними звуками. А какой прекрасной была игра лунного света и бликов догорающего костра, не передать словами!

Всем этим мы вдоволь налюбовались, перебивая после ужина посуду. Принцип «Каждый моет за собой» тут не работал. Мальчикам, ведь, нужно как следует отдохнуть после тяжёлого трудового дня. Им ещё столько предстоит понять и открыть, а нам... нам шиш с маслом! Или без него, это уж кто как любит.

Я, например, всякие там фигурки, дули и шиши не люблю совсем, ни с маслом, ни без него. Поэтому после недельной вахты с половником у костра набралась наглости и высказала Степанычу всё, что думаю о сложившейся ситуации. Оля поддержала меня артиллерийским огнём своих ярких, экспрессивных высказываний, каждое из которых было рассчитано на точное попадание в цель. Лена ничего не говорила, просто плакала и звонко шмыгала своим курносый носиком. Одним словом, мы втроём выдали всё, на что были способны.

Степаныч выслушал нас с совершенно бесстрастным лицом и развёл руками:

– Ну, девоньки, что же я могу поделать? А кому ещё готовить, мне что ли? Или парням? Они ведь приехали сюда учиться, им всю жизнь предстоит на раскопках работать.

– А... к-к-как же мы? – Неожиданно прохлюпала Леночка. – Мы ведь тоже хотим... ых, ых... на раскопкааааах! – заревела она с новой силой. Степаныч, оставаясь таким же бесстрастным, принялся нам объяснять:

– Что значит, хотим или не хотим? Вы же не в детском садике в песочек играетесь, понимать должны. Готовка, стирка, уборка – это священный долг женщины, ваша почётная обязанность. – При слове «почётная» Олю так передёрнуло, что у меня возникло опасение за её здоровье. – Вы ведь скоро выскочите замуж, – продолжал между тем Степаныч, – детишек нарожаете, да, и пошлёте, куда подальше, всю эту археологию, а им, – широкий уважительный жест в сторону парней, – работать надо, семьи кормить. Жизнь есть жизнь, девоньки, а вы как хотели?

– Так, значит, вы согласились взять нас на раскопки только из-за готовки? – Подала я голос. – А наше развитие как профессионалов своего дела... – Степаныч не дал мне договорить.

Его не по годам залихватский хохот надолго заглушил волшебное пение цикад. Мы стояли перед ним, словно оплётанные, красные раки. Впрочем, варёных раков Степаныч, я думаю, не стал бы оплёвывать – добро, какое-никакое, а нас – пожалуйста! Вот, они, прямо перед тобой, три удобные мишени для плевков.

– Ох, ох, насмешила, лапа моя! Давненько я так не ухохатывался!

– Да, как вы... – начала Оля.

Она была уже не красной, а багровой от гнева. Даже в неверном свете костра это было хорошо заметно.

– Смею, лапа моя, ещё как смею, – заверил её Степаныч. – Так было, есть и будет всегда – парни трудятся на раскопках, девки их обслуживают. Ещё спасибо скажите, что дисциплина у меня в лагере идеальная, никто к вам не пристаёт. В других местах знаете, что творится?

От последнего заявления нам стало совсем не по себе. Да, уж, действительно – ситуация. И, ведь, никуда не убежишь, с трёх сторон бескрайняя степь, с четвёртой – не менее бескрайнее море.

Несмотря на всю безнадёжность наших с близняшками дел, у меня вскочил один каверзный вопрос, который я не преминула задать нашему дорогому руководителю.

– А, что вы, Егор Степанович, будете делать, когда все девушки, желающие поехать на раскопки, будут знать, что здесь происходит?

В ответ я услышала очередной приступ гомерического смеха. Похоже, я сегодня работаю персональным клоуном для Степаныча.

– Уверю тебя, лапа моя, такие дурочки, как вы, всегда найдутся! – Выдал он, отсмеявшись. – Вот, ты, – он указал пальцем на Лену, – что ты делала весь учебный год?

– К-к-к-как что? – От слёз Лену уже колотила дрожь. – Училась, конечно! Старалась, чтобы были одни п-п-пятёрки...

– Вот, именно, старалась она! А общалась с кем? – Лена застыла в замешательстве. – Правильно, с сестрой, лапа моя, с сестрой. Кто тебе мог рассказать, что происходит в экспедициях, если ты ни с одним парнем не познакомилась и ни одной подруги не завела? Вот, именно, птичка моя, никто! А ты, – тут он указал на меня, – ты вообще безнадёжна! Такие, как ты, всю жизнь витают в облаках и остаются в дураках! Такие вот стихи получаются! – И Степаныч снова заливисто рассмеялся.

Конечно, этой фразой он меня просто размазал тонким слоем по всей причерноморской степи. Однако самое худшее мне ещё, оказывается, только предстояло. Выяснилось, что парни вовсе не спали, а с интересом слушали весь наш разговор. Коронный хохот их предводителя стал словно бы сигналом для них всех. Они дружно принялись ему вторить.

От охватившего меня глухого отчаяния я побежала в степь, не разбирая дороги. Споткнувшись обо что-то твёрдое, я растянулась во весь рост, словно большой дождевой червяк, вскочила, снова побежала...

Я бежала до тех пор, пока полностью не выдохлась, а идиотский смех в лагере стал почти не слышен. Усевшись прямо на землю, я зарыдала. Так я ещё никогда в своей жизни не плакала. Даже когда не вылезала из Наташек – какашек, даже когда мою фамилию уродовала на разные лады вся школа, даже когда... впрочем, неважно. В тот момент для меня не существовало ничего, кроме моего горя, стыда и унижения.

Неожиданно на моё плечо опустилась маленькая, но достаточно тяжёлая рука. Я подняла глаза и увидела над собой, конечно, Олю. Она слегка запыхалась, но это не сбilo с неё обычной её решимости.

– Ну, ты, подруга, даёшь! – Восхитилась она. – Я тебя еле-еле нагнала. Ты где так бегать выучилась?

– Не знаю, в догонялки, наверное, – прохлюпала я.

Я и в самом деле отлично бегала в догонялки и за отъезжающим транспортом, но была никудышной бегуньей на физкультуре. Парадокс!

– Здоровские у вас догонялки! – Похвалила Оля. – Хорошо реветь, вставай, задницу застудишь! – Деловито скомандовала она. – Ща Ленку отыщем, и надо решать, как жить дальше.

Искать Ленку нам не пришлось, потому, как вскоре мы услышали её вопль.

– Девчонки, ну, вы где? – В отчаянии кричала Ленка. – Я боюсь тут одна, ну вы...

– Заткнись! – Незамедлительно последовал ответ любящей сестры. – Стой, где стоишь. Ща, мы уже идём.

Взявшись за руки, как Тютка с Матюшкой, мы отправились на Ленкин голос и вскоре нашли её. Сказать, что она была зарёванной – ничего не сказать. Такие узкие, опухшие глаза бывают, должно быть, только у монголоидов, причём с самого глубоко похмелья. Мы вернулись в лагерь, сели у погасшего костра и принялись шептаться.

Глава 4

До самого рассвета прорабатывали мы разные варианты улучшения нашей «почётной» женской доли. Леночка предлагала бегство. Этот вариант пришлось отмести сразу, потому как все мы, по крайней мере, мы с Олей, неплохо умели читать карты и прекрасно представляли себе, где находимся. 300 км по выжженной степи до ближайшей железнодорожной станции мы вряд ли прочапаем, раньше помрём от жажды, укусов ядовитых тварей или ещё какой напасти. К тому же, есть риск заблудиться. Ловить попутку – вообще не вариант: мало ли, куда завезут? Кухонное рабство у Степаныча и его прожорливых молодых дарований хотя бы через полтора месяца закончится, а что будет у новых «хозяев», никому не ведомо.

Оля предложила перемазать всех парней и самого Степаныча зубной пастой, а ещё лучше зелёной, а на обед сварить им суп из лягушек и кузнечиков. Лягушки, конечно, противные, но она, так и быть, наловит штук этак ннадцать, когда пойдёт утром к ручью. Олин простоватый, но доходчивый юмор поднял, конечно, нам настроение, но, когда мы подумали о последствиях воплощения её идей в жизнь, всем стало жутковато, даже самой бесстрашной Ольке.

Пока девчонки обменивались последними репликами, у меня созрел коварный план.

В то время на нашем негнущемся советском ТВ уже стали появляться мексиканские сериалы, и почти в каждом из них был такой персонаж, как , страшный и опасный человек. Понятно, что герой этот ярко отрицательный, но, всё же, ему удавалось получить что-то с жертвы, пока той не надоедало снабжать его деньгами. *шантажист*

Нам с девчонками никаких денег не нужно, просто припугнём Степаныча, что наши кухонные похождения в учебной экспедиции станут известны всем в универе, и не только. Вот, он нам на это скажет, когда его вызовут в деканат, потом к ректору? Ещё мы обо всём этом напишем в стенгазете, а, если надо будет, то и в местной «вечёрке»! А, что? У нас в стране гласность объявлена! Кто нам заткнёт рты? *что*

План девчонкам понравился. За обсуждением деталей мы не заметили, как подошло время готовить завтрак. Мы решили всё-таки приготовить его и, вообще, отдежурить этот день, а к вечеру составить график дежурства для всех.

Каша в тот день удалась на славу, парни нас даже похвалили. Никаких «подколок» с их стороны в наш адрес не было; видно, Степаныч запретил. Мы заметили, что эти недоделанные шовинисты беспрекословно слушают своего наставника и друга. Как ни крути, в лидерских качествах дядюшке Егору не откажешь.

После завтрака мы снова в полном составе подошли к Степанычу и начали издалека. Завели разговор о том, как было прекрасно почитать свежую прессу, которой здесь нет. Я даже рассказала вкратце, что к регулярному чтению газет нас приучил школьный историк. Он, кстати, оказался «младшим современником» Степаныча, тот помнил его ещё зелёным первокурсником, когда сам уже заканчивал универ. Потом они несколько раз виделись на разных симпозиумах и конференциях.

Так мы незаметно заболтали Степаныча, а после перевели разговор в русло гласности и прозрачно намекнули на то, мы собираемся сделать по приезду домой. *что*

В ответ мы в очередной раз услышали незабываемый смех Степаныча.

– А в Америку уехать не желаете? – Поинтересовался он, отсмеявшись.

– Нет! – Выпала Оля. – Мы желаем установить справедливый график дежурств и тоже участвовать в раскопках. Мы и так уже больше недели кашеварим, пусть и другие проявят свои кулинарные таланты!

– И это говоришь мне ? – Неожиданно ядовито поинтересовался Степаныч. – Да, ты мне спасибо должна сказать, что хоть как-то научилась готовить! Тебя ведь ни один мужик терпеть не станет, ты, сраная командирша в дырявых портках! *ты*

Спортивные штаны Оли в нескольких местах действительно были прожжены и порваны, но, как можно было её в этом упрекать, если она каждый день таскала тяжеленные ведра и околачивалась у костра?! Ольга побагровела.

– При чём здесь мои портки? И какое вам дело до того, кто меня станет терпеть?!

– А, такое, – спокойно продолжил Степаныч свою экзекуцию, – что ты сама мужик в юбке. Ты посмотри на себя, в тебе одни кости, да мешок злости! Какая ты после этого девушка? А, если ещё и готовить не будешь уметь, так и подохнешь старой девой на каких-нибудь соревнованиях для пенсионеров по бегу в мешках! Тоже мне, нашлась тут. А ты, – он указал пальцем на Лену, – объясни на досуге своей смелой, спортивной сестре, что и университет вы обе не окончите, если продолжите в том же духе.

Надо ли говорить, что произошло после этих слов? Оля задохнулась от бессильной злобы, топнула ногой, попыталась что-то сказать, но не смогла и, махнув рукой, убежала. Лена с рёвом кинулась за ней. Осталась я в своём фирменном ступоре. На задворках сознания промелькнула мысль, что всё моё мне уже вчера досталось, но зря я так подумала.

– Чего уставилась? – Поинтересовался он. – Иди, давай, догоняй этих двух, а то у них скоро совсем крыша друг от друга съедет, они же больше ни с кем не общаются. Да подумай на досуге о смене профессии, ты, любительница прессы. Может, на журналистский подашься? Или сразу в училище полиграфистов.

– Почему? – Вскинулась я. – Мне история нравится, я никуда не собираюсь уходить.

– Зря не собираешься, – последовал незамедлительный ответ. – Спецкурс ты у меня не сдашь, сразу тебе говорю. Так, что, ты подумай.

– Вы тоже подумайте, – ответила я. Мне уже было всё равно, как повернут дела. Мной овладела какая-то холодная решимость напололам с гадючьей злобой. Должно быть, именно так чувствует себя кидаящаяся на превосходящего силой врага крыса, загнанная в угол. – Подумайте, чем займётесь на пенсии, куда вас скоро вышибут! Может, на курсы кройки и шитья запишетесь или огородом займётесь. Копать вы хорошо умеете, и они, – презрительный взмах руки в сторону парней, застывших от напряжённого интереса, – если что, помогут.

– Ты что несёшь, ненормальная? – Удивлённо поинтересовался Степаныч.

– Что мне надо, то и несу! – Не задумываясь, выдала я. – Вы же меня уже всё равно в ПТУ-шники записали. Вот, только есть одно маленькое «но» – с этим не согласна! Я вам не дам сожрать меня просто так! Если будет нужно, то и до министерства образования дойду, но вы меня не отчислите! – Я помахала перед носом Степаныча указательным пальцем, а он, пытаясь уследить за ним, чуть было не окосел. – Ещё запомните, вы, эксплуататор несовершеннолетних, – указующий перст прямо в грудь супостата, – если со мной что случится, у меня дядя прокурор в Москве! – Этот ход я позаимствовала у нашего соседа, редкостного пропойцы. Он зачем-то всегда хвалился, что его дядя – прокурор в Москве. – Гнобите меня сильнее, а лучше ударьте или избеите! Мне так будет легче вас упрятать надолго! я

Теперь пришла очередь Степаныча побагроветь. Несколько секунд он, вытаращив на меня глаза, хватал ртом воздух. Я не стала наблюдать эту картину, просто развернулась и пошла в сторону, противоположную той, куда убежали девчонки.

– А, ну, стой! – Прохрипело за моей спиной.

Я остановилась и сделала жест ногой, подобный тому, который делают задней лапой собаки, выражающие презрение оставшемуся позади. После этого, не оборачиваясь, продолжила свой путь. Сзади загудели голоса парней, послышался топот их ненавистных копыт, но никто меня не преследовал.

«Кинулись утешать своего патриарха, холуи проклятые!» – Подумала я с мрачной злобой и отправилась дальше. Я всё шла и шла. Шорох собственных шагов успокаивал меня, дыхание постепенно приходило в норму, а в голове воцарилась пульсирующая в ритм шагов пустота. Остановилась я, когда поняла, что ушла уже очень далеко от лагеря.

Глава 5

Присев на какую-то глиняную горку, я подпёрла голову руками и уставилась в пространство. Сознание затопила вибрирующая странными узорами чернота. Не знаю, сколько я просидела, «любуюсь» ими. Со мной такое случается в тяжёлые моменты жизни.

Из черноты вывело меня ощущение щекотки и покалывания на ступне. Страхнув с себя оцепенение, я взглянула на неё и увидела маленького кузнечика, тихонько ползущего по моей коже. «Вот, сейчас ты посидишь, отдохнёшь и попрыгаешь себе дальше, – подумала я с нежностью, – и никаких у тебя забот! Только сожрать тебя могут в любой момент. Нет, пожалуй, не буду тебе завидовать. Хорошо, что я не кузнечик. Пусть только кто-то попытается меня сожрать – не подавится, так отравится...»

Постепенно мысли мои потекли совершенно в другом направлении, и я не заметила, как уснула.

Проснувшись я во второй половине дня от каких-то истошных криков. Спросонья подумала, уж не довела ли я нашего дорогого великого кормчего до апоплексического удара. Может, это парни бегают и вопят? Но, страхнув с себя остатки сна, поняла, что это кричат птицы. Они летают низко-низко и кричат на разные, но одинаково резкие и неприятные голоса.

Подняв глаза, поняла, в чём дело – небо заволокло тучами и дул горячий ветер, метя по степи клубы песка и пыли. Я вяло подумала, что надо бы вернуться в лагерь. Деваться-то всё равно некуда. Да, и нет у меня желания быть убитой молнией в расцвете лет, а то кто же пойдёт смотреть Олькины соревнования для пенсионеров? Ещё один болельщик, скрюченный старческим артритом, ей ещё ой, как пригодится!

Неожиданно солнечные лучи пробили брешь в сплошном покрове туч. Они осветили ближний холмик, и на его маленьком, покатым склончике что-то металлически блеснуло. Не в силах совладать с любопытством и забыв о страхе перед грозой, я отправилась туда. Порыв ветра чуть не сбил меня с ног, залепив на мгновение глаза тучкой пыли, но я, как заворожённая, продолжала идти дальше.

Дойдя до места, где промелькнул тот отблеск, я присела на корточки и разглядела кусочек металла, отполированный до блеска песком и ветром. Я потянула его из земли, но он не поддавался. Тогда, подняв валявшуюся в пыли палочку, я принялась копать ею вокруг странного предмета. Мысли о надвигающейся грозе окончательно покинули меня, и я копала и копала как заведённая. О том, что молния зачастую бьёт именно в металл, в те минуты как-то даже и не вспомнилось.

Наконец, загадочный предмет был извлечён наружу. Я отряхнула с него комья земли и поняла, что в руках у меня небольшой изящный кинжал с затейливой рукояткой. Лезвие его покрывали полусгнившие остатки ножен. Вещь была завораживающе красивой какой-то особенной, смертоносной красотой, а ещё я почувствовала необъяснимое сродство с ней.

Это было ни с чем несравнимое ощущение. Сквозь моё тело прошёл некий разряд, от которого по телу побежали мурашки величиной с кулак, сердце сначала перестало биться, а потом и вовсе ухнуло куда-то вниз, в глазах потемнело, а по рукам от кистей до плеч разлилось непонятное тепло.

Не могу сказать, сколько это длилось, но мне показалось, что за это время я прожила ещё одну жизнь. Не спрашивайте, как такое может быть, мне это неизвестно, но я вдруг ощутила себя совсем другим человеком, смелым и бесстрашным. Все неприятности последних дней отступили далеко в тень, и я поняла, что больше они меня не побеспокоят. Это было величественно, грандиозно, непередаваемо! Именно такими словами можно описать то, что происходило со мной.

К слову сказать, это были совсем не те ощущения, что описывал наш школьный историк. Не было это похоже и на циничные описания Степаныча, который только и делал, что высмеивал всё на свете. Тогда я подумала, что понятия о связи времён у каждого свои, и ощущения разнятся соответственно им. Возможно. Однако мой случай, как я потом убедилась, был явлением совсем иной природы.

Описанные мной ощущения длились достаточно долго, но всё когда-нибудь заканчивается. Разверзлись небеса, и на нашу прекрасную, запылённую степную землю хлынул дождь. Он-то и вернул меня в действительность. Это был даже не дождь и не ливень, а сплошная стена воды, бьющая с небес. От такого дождя не спасают ни плащ, ни зонтик, которых у меня, конечно, всё равно с собой не было.

Я моментально промокла до нижнего белья, но холода не ощутила – вода была тёплой, словно в речке на закате долгого летнего дня. Не спеша пробираясь сквозь стену воды, я отправилась в лагерь.

Глава 6

Торопиться мне теперь было некуда. Всё, что нужно, я уже успела сделать. Похоже, только что я совершила открытие, которое, возможно, перевернёт наши представления о мире древних. Интересно, что мне за это будет? Премию дадут или в ПТУ полиграфистов примут без очереди? Настроение моё сделалось лихим и придурковатым. Кураж – вот, как это называется. Я не дам никому сбить его с меня, то бишь, обескуражить; сама сейчас обескуражу всех на свете!

Когда я явилась в лагерь, промокшая и счастливая, дождь стих, и уже начало смеркаться. Парни сновали между палаток, перескакивая через лужи, что-то таскали, суестились. Меня старательно не замечали. Если кто-то случайно спотыкался взглядом о мою физиономию, сразу же прятал глаза. «На затылок спрячь зенки свои, придурок!» – Весело подумала я об очередном гамадриле, попавшемся мне навстречу.

Возможно, все они вполне себе неплохие ребята, но в тот момент все они были для меня они «гамадрилы», «бандерлоги», «придурки» и прочее в том же духе. Невозможно хорошо относиться к людям, которые больше недели помыкали тобой, как половой тряпкой, а им не тряпка. Сами они все гадкие, рваные шеболы! Степанычевы подстилки! я

На секунду мне подумалось, что это не мои мысли. Я никогда не воспринимала парней так. Конечно, все эти слова я знала, но применить их к малознакомым, интеллигентным людям... Мама была бы в ужасе. Мысли путались в моей голове, скатываясь в неряшливые, разнокалиберные клубки, пока я не сказала сама себе «Хватит!» и не оттеснила все эти бесплодные размышления на задворки сознания.

Нечего забивать голову всякой дурью. У меня в руках главное сокровище всей моей жизни, моя гордость и весь смысл моей короткой жизни. Почему-то у меня не было в этом никаких сомнений.

Мимо пробежал, пряча глаза, худенький студентик в промокшей стройотрядовской куртёнке. Я выставила плечо, и мы оба чуть не полетели в огромную лужу, под которой просматривалось грязное суглинистое дно.

– Ты что, сдурела? – Захлопал он своими глазёнками.

– Да, а что, нельзя? – Выдала я, сама от себя не ожидая такого ответа. – Где девчонки?

– «А нынче, а нынче попрятались, суки...» – пропел он гнусавым голосом и поганенько захихикал.

Впрочем, хихикал он недолго. Небольшая подсечка, толчок в хлипкую грудь, и мозглек валяется в грязной, липкой жиже, истошно вереща и обзываясь на меня последними словами. Подбежал крепенький, круглоголовый чурбачок на кривых ножках и зычным голосом поинтересовался, что здесь происходит.

– Да, она... Да, она дура, сумасшедшая, безмозглая скотина, да я ей, да я сейчас...

– Из лужи сперва выберись, потом будешь сейчаскать, – буднично посоветовала я и поинтересовалась у его приятеля, где Степаныч.

Тот от неожиданности ответил по-людски. Ладно, пускай живёт покедова. Будет тошно – зашибу как-нибудь на досуге. Предоставив им самим разбираться с лужей, потерянными вещами и друг другом, я отправилась в палатку-штаб, где, по словам круглоголового, находился сейчас Степаныч.

Войдя туда, я на секунду ослепла от яркого света фонаря, болтавшегося над грубо сложенным столом. На столе валялись в беспорядке карты, бумаги, стояла замызганная кружка с недопитым чаем, но особо выделялись сложенные кучкой бесформенные комки земли, в которых только опытный археолог мог опознать старинные артефакты. Точнее, то, чему только предстояло этими самыми артефактами стать.

«Первые находки,» – догадалась я. Степаныч возился с оборудованием в другом конце палатки, и я с трудом отыскала его взглядом. Увидев меня, он изменился в лице, отвернулся и пробубнил:

– Уходи. Я не хочу с тобой разговаривать.

– Я тоже не хочу с вами разговаривать, – горячо заверила я его, – но придётся.

Жестом фокусника я извлекла кинжал из-за спины и бережно положила его на стол. Глаза Степаныча жадно впились в мою находку.

– Ты где это взяла? – Прохрипел препод, меняясь в лице.

– Украла, конечно. Все ПТУ-шники так делают, вы разве не знали?

– Что ты мелешь? Где украла? Какие ПТУшники? Что ты мне голову морочишь?

– Ничего не мелю. Украла у владельца. ПТУ-шники из полиграфического ПТУ. Вы сами утром мне это сказали.

Не обращая ни малейшего внимания на потоки моего остроумия, Степаныч вертел в руках кинжал.

– Девонька, ты себе представляешь, что ты нашла? Хотя, куда тебе? Это даже я пока до конца не представляю.

«Вон, ты как заговорил,» – подумала я, а вслух произнесла:

– Могу показать место завтра, как рассветёт. Кажется, это чьё-то захоронение.

– Может быть – может быть, – пропел Степаныч, извлекая из ящика всё необходимое для очистки кинжала. – Иди, переоденься, и мухой сюда, поможешь.

Следующие часа два мы как старые добрые друзья возились с кинжалом, строили разные предположения, отогревались у костра, пили чай и беседовали на научно-исторические темы. Степаныч был поражён моими познаниями в истории мировых религий (ничего особенного – занимательные вставки в конце обычных параграфов плюс несколько атеистических книг для среднего школьного возраста), а я, в свою очередь, изумилась глубине его познаний и тому, с какой любовью он говорит о Предках. Именно так, о Предках, а не о предках.

– Где твои подружки? – Поинтересовался вдруг Степаныч. – Как ушли с утра, так их никто и не видел.

– Я не знаю, – ответила я, и мутная волна беспокойства начала подниматься со дна души. – Мы были не вместе. Я хотела побыть одна.

– Ай-ай-ай, как нехорошо! – Запричитал препод. – Куда же они могли деться? Надо срочно искать! На, вот, поддержи у себя! – Скомандовал Степаныч, протягивая мне кинжал, и принялся созывать своих архаровцев.

Пока он пытался организовать поиски, я на секунду прикрыла глаза, и мозг мой пронзила синеватая вспышка. Я увидела сестричек, прижавшихся друг к другу в каком-то каменном гроте или маленькой пещерке. Я сразу поняла, что это место где-то рядом с ручьём, куда Оля ходила за водой.

– Егор Степанович, я, кажется, знаю, где они, – сказала я, когда вспышка погасла.

– Знаешь – веди, – ответил он, не раздумывая.

Примерно через двадцать минут мы были на месте. Мы – это я, Степаныч и пятеро самых крепких парней.

– Ле-на! О-ля! Девчонки! – завопила я, что было силы.

От моего голоса некоторые парни заткнули уши, а Степаныч поморщился, словно от зубной боли. Да, я и сама ещё ни разу в жизни так не кричала. Не думала, что способна на такое.

– Мы здесь! – Раздался невнятный голос, шедший откуда-то из-под земли.

– Говори что-нибудь, не молчи! – Крикнул Степаныч, – Мы уже идём!

Голос не то Оли, не то Лены что-то забубнил, и тут же аккомпанементом к нему послышались какие-то булькающие звуки. «Плач,» – догадалась я. Значит, обе они, благодарение Богам, живы. Мы пошли на их голоса, и чуть было не провалились в яму. Посветив в неё фона-

рём, мы увидели на дне её сестричек, обнявшихся так, словно видят друг друга в последний раз. Лица их были одинаково чумазыми и испуганными. Склоны ямы были почти отвесны, и в свете фонаря казались кипельно – белыми. На ощупь они были очень скользкими, поэтому сёстры и не смогли выбраться. Вдобавок, Оля, падая, повредила ногу.

– Карстовая воронка, – констатировал Степаныч.

– Откуда она здесь?! – удивился один из студентов. – Здесь же нет гор!

– Карст может быть везде, где есть мел или гипс, – просветил нас Степаныч. – Ладно, хватит болтать. Где у нас там верёвки?

Через десять минут сестрички были на свободе. Перелома у Ольги не было, просто сильное растяжение. Ещё через час мы доплелись до лагеря. Часа полтора потом делились впечатлениями, готовились ко сну и укладывались. Я не стала ложиться, а осталась одна у гаснущего костра.

– Ты чего спать не идёшь? – Спросил Степаныч. – Тебе мало событий для одного дня?

– Да нет, событий более чем достаточно, – парировала я. – Только, вот, смысла ложиться не вижу. Того гляди встать, а то с завтраком опоздаю.

– Не надо никакого завтрака. Завтрашний, то есть, уже сегодняшний, день объявляю выходным. Во-первых, всем надо выспаться, во-вторых, хозяйство в порядок привести, вон, дождь каких бед натворил. В-третьих, назначаю тебя моим личным помощником, будем завтра с тобой добычу камералить. И не делай мне тут такие глаза! – Закипел вдруг препод. – И не напоминай ни о чём, ясно тебе? Извиняться всё равно не буду!

– Да, нужны мне сто лет ваши извинения! – Отмахнулась я. – Главное, что к работе допускаете. Я здесь именно ради неё, а не ради ваших разборок.

– Вот, и ладненько, – согласился Степаныч и пошёл к своей палатке.

– Егор Степанович! – Окликнула я его. Он резко обернулся, и по его движению я поняла, как его все достали, но не задать этот вопрос я не могла, нужно было расставить все точки над «Ё». – Егор Степанович, а кто завтра будет готовить? Одна Ленка, что ли? Так тоже нельзя.

– Какая ещё Ленка! – Вяло возмутился Степаныч. – Назначил я уже дежурных на всю неделю. Иди, спи и мне дай отдохнуть! – С этими словами препод отправился восвояси.

Я поскакала к девчонкам выслушивать истории о двух несчастных сестричках, провалившихся в непонятно откуда взявшуюся карстовую воронку и делиться событиями последнего дня. Разговоров нам хватило ещё часа на два. Уснули мы уже на рассвете, окончательно умявшись. Кинжал я положила с собой в спальник.

Глава 7

На следующее утро я проснулась от какой-то невероятной тряски, сопровождавшейся жуткими, просто нечеловеческими воплями. Я с трудом разлепила глаза и увидела над собой Олю. Вроде бы ничего особенного, подумаешь – Оля! Если бы это президент Мозамбика, ещё можно было бы удивиться, а Оля – совершенно нормальное явление. Нормальное, если бы не одно «но».

Лицо её было перекошено гримасой невероятного напряжения, а маленькие крепкие ручки так впились в мои плечи, что потом на них синяки дней десять красовались. Оля трясла меня с каким-то дьявольским остервенением и бормотала отрывистые слова, которые я не могла расслышать, потому что кто-то, не переставая, вопил.

Я села и оттолкнула Олю так, что она чуть не улетела вон из палатки. Через секунду до меня дошло, кто это вопит. Ушераздирующие звуки издавал не кто иной, как я сама, Наташа Морко. Вот, только в тот момент я не помнила, ни как меня зовут, ни где я нахожусь. Было как-то не до того. Сердце выпрыгивало из груди, а перед глазами плясали серо-буро-малиновые пятна.

Прекратив орать, я потрясла головой и огляделась. Обычный утренний раскардан в палатке. Невдалеке валяется полулёжа Оля и растирает больную ногу, не сводя с меня при этом перепуганных глаз. У входа в палатку столпились обалдевшие парни. Среди них я заметила вчерашнего мозглячка, взиравшего на меня совершенно квадратными гляделками.

Я сфокусировала взгляд на нём, улыбнулась и самым сладким на свете, правда, немного осипшим, голосом пропела:

– Доброе утро, солнышко. Как спалось?

В ответ парень издал какой-то сдавленный крик, став при этом похож на выловленного из воды окуня, и в панике покинул палатку. Остальные загоготали. Как им всем мало надо, чтобы выйти из равновесия и тут же прийти в него обратно! Прямо дети несмышлёные.

Распихивая студентов, ко мне пробирался Степаныч с аптечкой в руках. Увидев, что я в порядке, он облегчённо вздохнул. К тому времени я и вправду вспомнила всё. Парни продолжали топтаться у входа, гомонить и похохатывать.

– А, ну, пошли отсюда к чертям! – Рывкнул на них Степаныч. – У каждого есть чем заняться, у каждого!

Парни нехотя рассосались. Оля, продолжая что-то рассерженно бормотать, взяла полотенце и, прихрамывая, отправилась умыться. Лены нигде не было видно. Должно быть, где-то уже плачет. Жаль, что в современном мире не сохранилось профессии плакальщицы, Лена подошла бы идеально. Деньги бы лопатой гребла.

– Ну, ты как? – Поинтересовался Степаныч.

– Нормально, готова приступить к работе, – ответила я как можно спокойнее.

– Да, натворила ты дел, радость моя! – Я опустила голову. – Эту поездку все запомнят надолго. Ладно, вставай. Жду тебя в штабе. Кстати, где кинжал?

Я извлекла его из спальника и протянула преподу. Он принял его со словами:

– Никогда больше не бери находки в постель. Это не игрушки, а неизученные артефакты. Мы не можем знать наверняка, какими свойствами они обладают. И я, старый дурак, забыл вчера забрать его у тебя и запереть в сейф. Тебя мужики наши теперь ненормальной считать будут...

– Они все мне безразличны, – буднично поведала я Степанычу. – Все как есть безразличны.

– В том-то и беда, – вздохнул Степаныч. – Все друг другу безразличны, никто никому не важен... Какие у вас, у молодых, интересы – непонятно. Так мы скоро вырем. Ладно, наводи марафет, и жду тебя. Работы полно.

– Егор Степанович! – Окликнула я препода, когда он почти уже достиг выхода. Степаныч вздрогнул и обернулся. Выражение лица его было крайне встревоженным. Да, пошаливают в последнее время нервишки у нашего предводителя. Интересно, с чего бы? – Егор Степанович, а для чего вы принесли аптечку? Голову йодом мне намазать хотели или антибиотик впороть? Там, ведь, всё равно ничего больше нет! – Мной неожиданно овладел бесёнок безудержного веселья. – Да, и врача среди нас никакого нет, даже ветеринарного!

– Дазе ветелинального! – Передразнил меня Степаныч писклявым голоском. – Мне тут с вами самому услуги ветеринара, того гляди, понадобятся! И успокоительное в лошадиной дозе! – Препода стремительно, насколько позволяли годы и громоздкая аптечка, зажатая в руках, вышел из палатки, а я, похихикивая, принялась разыскивать куда-то запропастившиеся, как всегда, умывальные принадлежности.

Выйдя наружу, я заметила у костра Леночку. Она бодро раздавала указания троим парням, дежурившим в тот день. Как ни странно, слушались они её беспрекословно.

«Со всеми нами что-то случилось,» – подумала я.

За прошедшие сутки все мы стали другими. Похоже, именно моя находка перевернула всё. А, может, это дождь виноват, кто знает. Говорят же, что истинные человеческие качества проявляются только в экстремальных ситуациях, а ливневый дождь в степи, полупустыне можно сказать, да ещё посреди жаркого лета – уже экстремальная ситуация.

Парни почтительно расступались передо мной, но все они были мне до лампочки. Парни со школьной скамьи были мне безразличны, у меня даже первой любви ещё не было. Теперь это безразличие приобрело масштабы вселенского равнодушия и даже... лёгкого презрения! Моя мама терпеть не могла такие разговоры, очень уж переживала, что моё брезгливо-равнодушное отношение к одноклассникам и однокурсникам мужского пола закончится пожизненным одиночеством.

Ещё мама призналась позже, когда я была уже замужем и воспитывала дочь, что опасалась в мои юные годы за мою половую ориентацию. Именно поэтому она никогда не была в восторге от моих подруг, в каждой видела потенциальную «розовую даму».

Что ж, у каждого свои тараканы в голове. Старшее поколение, например, всегда помещано на том, чтобы организовать нашу личную жизнь. Всё остальное – профессия, увлечения, таланты – им почти безразлично. Видимо, именно из-за этого мы, руссы, и стали в своё время самым многочисленным народом Европы. Ещё по той же причине у нас в стране так много людей, ненавидящих свою работу. Им никто в своё время не помог определиться с выбором жизненного пути, только про замужество-женитьбу, как попугай, долдонили.

Умывшись из бачка холодной, как лёд, водой, я настроила себя на рабочий лад и отправилась в штабную палатку. Тот день мы со Степанычем целиком просидели над нашими экспонатами, не поднимая головы. Среди них оказались сплюснутый медный кувшин, больше похожий на бесформенную кучку заплесневелого металлолома, несколько керамических черепков, хранивших едва различимые следы росписи и обломки какого-то непонятного орудия труда. Я предположила, что это маленькая мотыжка. Степаныч увидел в ней инструмент для обработки овечьей шерсти.

Шеф активно интересовался моим мнением по каждому из найденных артефактов и отметил, что у меня живой ум и нестандартный подход. Я думаю, что дело было в моей молодости и полном отсутствии опыта. Эти два фактора в совокупности обычно и дают эффект свежести подхода. Уж поверьте мне, опытному кадровику.

Иногда к нам присоединялись Оля с Леной. Правда, Оля быстро начинала раздражать Степаныча своим неуёмным любопытством. Лену же новые горе-повара постоянно вызывали из палатки для консультаций.

Помню, меня поразило обилие всяких форм, журналов и прочей подобной документации. После я убедилась, что никому не нужной писанины хватает на любой работе. Такое ощущение, что человечество пытается заменить составлением форм и отчётов все без исключения другие виды деятельности. Интересно, что мы будем есть и во что станем одеваться, когда достигнем этой «благой» цели?

Ближе к вечеру, кое-как раскидав бумажные дела, мы отправились небольшим отрядом на то место, где я нашла накануне кинжал. Мы со Степанычем решили оставить его изучение «на десерт», и он запер реликвию в походном сейфе.

Заметив, что с нами собирается давешний мой закадычный друг Мозгляк, я рывкнула, в упор глядя на него:

– А, ну, стоять! – Студик замер на месте, удивлённо воззрившись на меня. – Куда собрался?

– К-к-как куда? – Проговорил он срывающимся голосом. – К захоронению, конечно.

– Тебя звал кто-нибудь? – Ласково поинтересовалась я, на что Мозглячок смущённо потупился. – Вот, именно, никто тебя не звал. Остаёшься в лагере, ты наказан! – Отрубила я тоном генералиссимуса к великому веселью всех остальных.

– Ну, Егор Степаныч... – заныл студент гнусаво, – ну, чего она?..

– Ничего, – буднично ответил препод, – сказано тебе наказан, значит, наказан.

– Что я ей сделал?! Эта ненормальная второй день меня со свету сживает!

– Ничего ты мне не сделал, – ответила я успокаивающе, – вот, только очень уж я не люблю, когда моих подруг суками называют, а в остальных отношениях я обычный, ничем не примечательный псих.

Воцарилось напряжённое молчание.

– С этого места можно поподробнее? – Зловеще поинтересовался Егор Степанович.

Он терпеть не мог, когда кто-то в экспедиции, разумеется, кроме него самого, употреблял бранные слова. Речь студента должна быть правильной и литературно выверенной. Даже слова наподобие «клёво» или «прикалываться» были наказуемы.

– Каких подруг? Когда обзывался? Где это произошло?

– Лену и Олю. Вчера. Около той пересохшей лужи.

– А, они сами не могли за себя постоять? – Спросил Степаныч, уставившись на обалдевших Лену и Олю с нехорошим прищуром.

– Их там не было. Они в яме сидели уже к тому времени, – внесла я необходимые уточнения.

– Та-а-ак... – Протянул Степаныч. – Прокопов, остаёшься в лагере и назначаешься на неделю ответственным водовозом, – изрёк он со значением, уставившись на провинившегося мозглячка. – Ещё не хватало, чтобы у меня в экспедиции такие вещи случались! Даже говорить об этом больше не хочу!

– Зато я хочу! – Мозгляк неожиданно перешёл в наступление. – Что здесь, вообще, происходит в этой вашей хвалёной экспедиции?! Сначала вы баб за людей не считаете, даже на раскопки не берёте, потом эта полоумная доводит вас до сердечного приступа, после толкает меня в грязную лужу, и вы с ней начинаете везде ходить чуть ли не в обнимку!

– Своё концертное выступление пропустил, – вставила я, воспользовавшись секундной паузой. – Помнишь, то, за которое ты у меня с лужицей-то и познакомился...

– А ты, дура ненормальная, вопли свои пропустила! Так нормальные люди во сне не кричат, что бы им ни приснилось!

– Так, ты у нас ещё и психиатр? – Неожиданно поинтересовалась Оля. – Иди лучше воды натаскай, как тебе велели. Хоть прок от тебя будет.

– От тебя-то какой прок, ты, гимнастка недобитая? – Заверещал доморощенный жено-ненавистник.

– Я уже больше недели её ношу – и ничего! – Парировала Оля.

В ней появилась какая-то спокойная величавость, которой раньше не наблюдалась, и эта величавость заставляла теперь окружающих считаться с Ольгой.

– У нас, ведь, в лагере парней нет, одни журуны и умники! – Вклинилась Лена, окончательно добив этим нашего оппонента.

– Почему вы ни разу не попросили нас воды вам натаскать? – Спросил круглоголовый приятель Мозгляка. Похоже, он был прирожденный дипломат. Как раз такой, чья непобедимая заторможенность приводит к мировым войнам. – Вы не жаловались, что вам тяжело.

– Пусть больные старики на здоровье жалуются, а мы не будем! – Гордо изрекла Ольга.

– Прекратить дискуссии! – Взорвался вдруг Степаныч. Хотя, почему вдруг?.. – Правда, не мужики мы с вами, а не знаю кто! Девки руки обрывают с ведрами, а мы как будто не замечаем!

Мне показалось, что парням сделалось неловко. Дело здесь было в том, что Степаныч не только отчитал их, но и с себя вины не снимал.

– Живо все по местам! – Скомандовал Степаныч, напрочь сглаживая сей неловкий момент. – Мы так не то, что до заката, до рассвета не соберёмся! – Да, и ещё, – спохватился он. – Для тех, кто не в курсе и, вообще, для всех объявляю, чтобы не было повода для гнусных подозрений. Вчера днём студентка второго курса Морко Наталья нашла предположительно древнее захоронение. Об этом свидетельствует кинжал, который при размытии поверхностными водами погребального холма сам вышел наружу. Этот кинжал находится у меня в сейфе. Объявляю сегодня вечером после ужина мозговой штурм на тему, кому он мог принадлежать. – По рядам студентов пробежал восхищённый шёпот. – И, ещё, – прибавил Степаныч тоном сказочника, собирающегося поведать о совсем уж неожиданном повороте сюжета, – Я, конечно, очень люблю молодых, красивых девушек, которые годятся мне даже не в дочери, а во внучки, – все напряжённо замерли, – но не до такой степени, что заводить с ними романы! Не хватало ещё, чтоб моя старуха голову мне скрутила на пороге вечности! – Торжественно закончил препод.

Вокруг послышались смешки и одобрительные возгласы, и наш небольшой отряд чинно двинулся к месту предполагаемого захоронения.

На кургане Степаныч прочёл нам интереснейшую лекцию о культуре и верованиях скифов и киммерийцев. Помимо этого наш руководитель обозначил фронт работ по раскопке кургана. По пути обратно он, наверное, в сотый раз напомнил нам, чтобы мы не рассказывали посторонним о том, что и где мы нашли, ищем или собираемся искать. Разглашение подобной информации чревато самыми непредсказуемыми последствиями.

Когда он закончил говорить, один из старшекурсников поведал нам леденящую кровь историю о «чёрных копателях», которые однажды прокрались ночью в лагерь археологов с целью поживиться свежеразрытыми золотыми изделиями и прирезали пытавшегося поднять крик дозорного.

Другой рассказал о гробокопателях, разрывших захоронение, в котором по странному стечению обстоятельств помимо всего прочего оказались радиоактивные металлы. Он ярко живописал муки пострадавших и их тяжёлый уход из жизни, и выразил радость по поводу того, что нам, трудолюбивым пчёлам науки, такое точно не грозит, потому что у нас есть дозиметр!

Так, в приятной непринуждённой беседе мы подошли к лагерю, где нас ждал вкусный ужин, приготовленный руками Лены, сжавившейся над неопытными работниками костра и половника. Позже она подошла к Степанычу и попросила разрешить ей остаться «при кухне». Она уже как-то втянулась в готовку, а наблюдать безобразия дежурных мальчишек, которые

ничегошеньки в кулинарии не смыслят, и смыслить не хотят, ей неприятно и обидно. Только продукты портят!

Степаныч назначил Лену шеф-поваром, а двое дежурных парней должны были ей помогать и выполнять в точности все её указания. Единственное, о чём Лена попросила, это показывать ей находки и хотя бы иногда разрешать участвовать в их обработке и обсуждениях.

Оля вскоре нашла себя в тонкой очистке найденных артефактов. Никто лучше неё не мог так терпеливо и тщательно и, в то же время, быстро, очистить черепки, пестики и прочую утварь Предков. Сама я здорово поднаторела в заполнении разных форм и отчётов. Кроме общих документов я успевала ещё потихоньку писать свой собственный отчёт по практике, чтобы не тратить на это свои кровные каникулы.

Отчёт к концу экспедиции разросся примерно до объёмов кандидатской диссертации среднего размера. Забегая вперёд скажу, что этого материала мне с лихвой хватило для курсовых работ до конца обучения, да ещё и на диплом кое-что осталось.

Глава 8

В тот день после ужина Степаныч, как и обещал, устроил мозговой шторм по найденному мной кинжалу. Все расселись вокруг костра, и кинжал был пущен по кругу. Последними должны были высказываться я и Степаныч, так положено по инструкции, чтобы мнение заинтересованных или знающих лиц не смущало всех остальных.

Версий участники высказали множество, от самых будничных – кинжал носил воин за голенищем сапога на самый крайний случай – до мистических, вроде ритуальных жертвоприношений и откровенно фантастических (неземное происхождение).

Когда очередь дошла до меня, я, подержав кинжал в руках, неожиданно ощутила лёгкое покалывание на кончиках пальцев рук и ног (?!). Затем по моим рукам снова разлилось тепло, как вчера, когда я нашла артефакт в степи перед грозой, и неожиданно для всех, в том числе для самой себя, я выдала:

– Кинжал принадлежал девушке – воительнице. Она до конца жизни оставалась девственной, и её панически боялись враги и недоброжелатели. Думаю, её звали Дубравка. Та самая Дубравка из легенды о непобедимой воительнице.

Все слушали мою короткую речь, затаив дыхание. Лена потом поведала, что в тот момент я сама стала похожа на воительницу из древней легенды. Чем? Этого никто не смог бы объяснить, внешность-то у меня самая что ни на есть «гражданская» – тонкая белая кожа, хрупкие запястья и изнеженные руки. Только в тот вечер игра лунного света и отблесков костра с тенью сделали меня персонажем старинного сказания.

Я мельком взглянула на Степаныча и увидела выражение глубочайшего удивления на его обычно бесстрастном лице. Наш руководитель даже шутить умудрился с совершенно непроницаемым лицом, а тут вдруг такие эмоции... Выдержав эффектную паузу и насладившись всеобщим вниманием, я передала кинжал Степанычу. Он довольно долго вертел его в руках, потом, не спеша начал:

– Ну, что тут сказать... – Пауза. Странно. Обычно дядюшка Егор за словом в карман не лез. – Как ни удивительно, правы оказались двое из вас: Красавкин с версией о голенище сапога и... Морко! – Собрание возбуждённо загудело. – Сегодня утром, пока до меня не донеслись чьи-то истошные вопли, – озорной полу-взгляд в мою сторону, – я разобрал надпись на рукоятке кинжала, выполненную руническим письмом. Она гласит, что эта вещь принадлежит воительнице Дубравке, а в конце присовокуплено что-то о Карне (Каруне). Что именно, понять сложно, надпись весьма потёрта. Воительница, должно быть, нередко применяла кинжал по назначению. Карна, как многим из вас уже известно, являлась божеством рождений и воплощений у Ариев. Отсюда пошли слова «карма», «инкарнация», даже «карман» и прочие им подобные. Рукоятка кинжала, выполненная в форме намертво сцепившихся в смертельной схватке человека и снежного барса также является символом рода Дубравки. По легенде все мужчины её рода были отважными воинами. Вот, что открылось мне нынче утром. Остаётся только выяснить, откуда вчерашняя первокурсница знает руническое письмо.

Все, включая Степаныча, выжидательно уставились на меня. Мне нечего было им поведать. Опустив голову, я в полной тишине пробормотала:

– Я не знаю рунического письма. Это было просто предположение.

– Да, ты у нас экстрасекс! – Ляпнул один из парней.

Он слыл не очень умным, но старательным. Кое-где слышались одобрительные смешки. В то время мода на экстрасенсов и открытые разговоры о сексе только набирала обороты, и шутить на эти две темы считалось хорошим тоном в мужских и молодёжных сообществах.

– Попрошу не выражаться! – Рывкнул Степаныч. Смешки моментально смолкли. – Все по палаткам! А вас, воительница Наталья, попрошу остаться.

Когда все разошлись, мы со Степанычем какое-то время сидели молча. Потом он не спеша заговорил:

– Скажи-ка мне, золотце, что такое ужасное тебе приснилось сегодня под утро?

Я не ожидала этого вопроса и смутилась. Дело в том, что мне нечего было ответить.

– Я не знаю, – промямлила.

Терпеть не могу этот вариант ответа на вопрос, но я действительно не знала!

– Ты не помнишь? – Мягко уточнил Степаныч.

В том-то и дело, что я именно . Не могу объяснить, как такое возможно, но это так.
не знала

– Когда не помнишь, – начала я, – всё равно остаются какие-то обрывки воспоминаний. Иногда это даже не события и не действия, а чувства, эмоции, ощущения, хоть что-нибудь. У меня в голове после этого сна не осталось . *ничего*

Осознав собственные слова, я испытала мистический, глубинный страх. Не оставляющие ни малейшего следа сны, странные осязательные ощущения, словно бы чужие мысли, слова и поступки... Этого было слишком много за последние сутки. Откуда оно берётся? Степаныч надолго задумался, а потом проговорил:

– Да, девонька... Похоже влипла ты в историю в полном смысле этого слова. Дело в том, что кричала ты вовсе не от страха, – он сделал эффектную паузу, но сжалился, споткнувшись о мой вопросительно-молящий взгляд, – это был самый настоящий боевой клич! – завершил начатое препод, хитровато прищурившись.

– Да, уж... – Согласилась я. – Всё это очень необычно.

Я поведала руководителю о своих ощущениях от соприкосновений с кинжалом. Он слушал внимательно, задавая время от времени уточняющие вопросы. Потом мы снова долго молчали, уставившись в пламя догорающего костра.

Глава 9

– Похожая история произошла с одним моим приятелем в 1962 году. – Заговорил вдруг Степаныч. – Мы тогда разрабатывали стоянку древних кочевников в Казахстане. Точно так же, совершенно случайно, он обнаружил захоронение в стороне от основного места раскопок. Оно оказалось парным. Похоже, это была супружеская чета. Мужчина по всей вероятности был вождём племени, а скорее даже нескольких или многих племён. У обоих скелетов следы насильственной смерти. Видимо, погибли в бою, либо мужчина погиб, а женщина была залота после его смерти. При них находились украшения из золота, меди и серебра, дорогая металлическая утварь, оружие. Казалось, мы вынули оттуда всё, ан, нет. Приятель мой был дотошным парнем, и принялся рыть глубже. Неожиданно лопатка его звякнула обо что-то твёрдое.

Тут Степаныч замолчал, уставившись невидящим взором куда-то в сторону, а я испытала в тот момент непередаваемое чувство тоски, боли и одиночества. То, что происходит с нами, всегда или почти всегда уже где-то и с кем-то происходило. Правда, когда это происходит с тобой, ты всегда один, даже когда вокруг тебя роятся толпы людей. Человек один, когда в муках приходит в этот мир (Не стоит думать, что боль и страх испытывает только мать, ребёнку во время родов ничуть не лучше!), он один, когда в муках его покидает. Ты всегда один, когда испытываешь боль, страх, горе или унижение.

Неожиданно Степаныч продолжил:

– Не думаю, что тебе известна эта легенда. В нашей школьной программе уделяется много внимания античному миру, но в ней нет почти ничего, что касалось бы наших предков, живших на этих землях, пять, десять, двадцать тысяч лет назад...

– Как? – Глаза мои непроизвольно округлились. – Как десять – двадцать?.. Древнейшей цивилизации мира, египетской, всего-то пять тысяч лет... Мы ведь являемся одним из самых молодых народов... – Принялась я цитировать школьный учебник.

– Э, девонька, тебе ещё многое предстоит постичь, – прервал меня Степаныч со снисходительной улыбкой. – Ты никогда не задумывалась о том, почему у нашего «самого молодого» народа такой сложный язык? Ты какой язык в школе изучала?

– Английский, – отрапортовала я.

– Вот, английский. Сложный язык?

– Да нет, не очень.

– А теперь представь, что английский – твой родной язык, а тебе надобно изучить русский или, того хуже, украинский, – он выдержал небольшую паузу. – Представила?

– Да, уж, – ответила я после недолгого раздумья. – Из каждого правила по десять исключений, большинство глаголов неправильные, фонетика очень сложная и, что ни фраза, то идиома... Стойте, куда вы клоните?

– А, туда, девонька, всё туда же, – ответил препод, слушавший моё выступление со снисходительной улыбкой человека, которому всё это было известно задолго до моего рождения. – Не может быть такого сложного языка у народа, сформировавшегося где-то в болотах Восточной Европы приблизительно в пятом веке новой эры.

– А, почему же тогда... – Начала я.

– В том-то и соль, – отозвался Степаныч. – Нашу российскую, русскую историю писали немцы при дворе Петра Великого. Они за всю жизнь, прожитую здесь, даже язык наш выучить не удосужились, а мы переписываем сочинённые ими глупости из учебника в учебник! Данные археологии открыто игнорируем! – Степаныч начинал заводиться. – А данные эти говорят о том, что мы гораздо древнее, чем принято считать! Всё человечество древне! Вернёмся,

возьми почитать труды Ломоносова, Татищева – увидишь! Лучше дореволюционные издания бери, они меньше исковерканы. *е*

– А, кто... а, кому... – от волнения я начала сбиваться с мысли.

– А, никому! – Отрезал Степаныч. – Косные чурбаны из министерства не желают, видите ли, учебники переписывать! У них, понимаешь, система сложилась, будь она неладна!

Степаныч ещё долго ругал эту самую систему последними словами, из которых я поняла одно – та история Руси, да, и мира, что преподносится нам в школах и институтах, существенно «обгрызена». Кто-то когда-то решил всё упростить, а неудобные моменты замять для ясности. Когда Степаныч остановился, чтобы перевести дух, я осмелилась задать давно свербевающий вопрос:

– Что произошло с тем вашим приятелем?

– А? Что? – Степаныч ещё не совсем отошёл от своей мысленной битвы с воображаемыми противниками из министерства. – Ах, да. Спятил приятель. В психушку его забрали.

– Как? – Не поняла я. – Прямо так и забрали из того самого захоронения в психушку?

– Да, нет, не сразу. Это спустя лет десять произошло после того захоронения, точнее, раскопок на нём. В тот злополучный день его угораздило найти одну очень древнюю реликвию – меч-крест... – Степаныч снова задумался.

– Что это за меч такой? Почему он крест? – Полюбопытствовала я.

– По легенде, – продолжил Степаныч, как ни в чём не бывало, – этот меч изготовил сам злобный змей Каранджель. Был такой персонаж в мифах древних Ариев. Он только и мечтал о том, чтобы как можно больше напакостить людям и светлым Богам, да не мог, потому как его за все его «хорошие» дела поместили в мир Нави, в загробный мир то есть...

– Прикончили что ли? – Не поняла я.

– Не совсем, – отозвался препод. – Да, и нельзя было по верованиям Предков кого-то навсегда прикончить. Предки верили в бессмертный дух и реинкарнацию. Чёрную душу змея Каранджеля поместили Навь охранять. На нём же пропахали борозду, отделяющую наш мир Яви от Нави.

Когда Степаныч углубился в эти мифологические дебри, у меня в голове завертелись обрывки сказок о Змее Горыныче, былины о богатырях, пахущих поле на побеждённом Змее и многое другое из раннего и не очень раннего детства. От всех этих «сказок на ночь» жутко захотелось спать, и я с трудом пересиливала себя.

Что это Степаныч, в конце концов, задумал? Развлечь меня своими историями до потери пульса, чтобы мне спалось, как следует? В глубине задрёмывающего сознания начинала закипать злость. Сидит тут, голову морочит! Я что ему, дитё пятилетнее, сказочки мне рассказывать? Препод, между тем, продолжал:

– ...и спрятал он меч-крест на дно океана-моря, и принялся искушать одного могущественного жреца, возмечтавшего о всемирной славе и богатствах несметных. Надоумил Змей того жреца отыскать меч-крест, дабы с его помощью стяжать себе власть и богатство. Отправился жрец на берег Моря – Океана, а Змей сделал так, что воды его расступились, и жрец смог пройти по дну и забрать тот меч заколдованный... – Ещё чище. Какой-то исход иудеев из Египта понёсся. Что за чепуха? – ...и завладел оружием страшным, и принял имя Карандара. Многих правителей добрых и справедливых порешил потом Карандар с помощью меча своего, пока один могущественный вождь не заключил союза с племенами соседними, да не отобрали они тот меч страшный и не спрятали его в дальней пещере в горах Кавказских. Однако меч время от времени появляется в нашем мире и беды творит немалые.

– Да уж. Детектив. – Оценила я, смутно соображая, как много мне ещё предстоит постичь. В детстве я читала «Мифы Древней Греции» Н. Куна, позднее – «Мифы индейцев племени Мочико», не помню кто составитель, но славянских мифов мне не попадалось.

Самое раннее – это былины, их я очень любила и прочла множество. Наши богатыри были чем-то вроде христианских рыцарей, а что было до этого? Возможно, ничего и не было, просто Степаныч бредит. У нас и письменности-то никакой не было до Кирилла и Мефодия... Стоп! А как же руническое письмо? А черты и резы?

В моей отяжелевшей голове заплясали рунические знаки, которые почему-то вскоре обзавелись головами русских богатырей. Воды океана расступались, и по оголившемуся дну гордо шествовали древние греки, выстроившись почему-то «свиньёй». За ними скакал на коне маленький трёхглавый Змей Горыныч, держа в зубах центральной головы католическое распятие. Вдруг правая голова его изрекла:

– Да, ты спишь, что ли, девонька? Вот, заболтал я тебя, старый дурак!

– А! – Вскинулась я. – Простите меня, Егор Степанович! Я не нарочно! Просто вы так интересно рассказываете! И что, ваш друг нашёл тот самый меч-крест из легенды?

– Иди спать, голуба моя. Завтра доскажу, а то час ночи уже, завтра рано вставать. Пойдём захоронение твоё разрабатывать... – Внезапно Степаныч понял, что сказал что-то не то. – То есть, не твоё, конечно.. – Я рассмеялась, окончательно выбив тем самым препода из колеи. – Да, ну тебя! Иди спать, в конце-то концов! С ума ты меня сведёшь!

Покачивая головой и бормоча что-то себе под нос, Степаныч отправился в свою палатку. Я тоже побрела к своей. Сон куда-то испарился, унеся с собой все нелепые образы, привидевшиеся мне только что. В голове было ясно, как на небе в погожий денёк. Хотелось побежать во весь дух, не разбирая дороги, а потом подпрыгнуть повыше и лететь над степью, раскинув руки, словно крылья, да так, чтобы звёзды заплясали над головой и слились в один голубоватый водоворот!..

Вместо этого я ополоснула лицо прохладной водой из бачка и отправилась спать. Но, не тут-то было. Оказывается, Лена с Олей ждали меня, не смыкая глаз.

Глава 10

Я очень удивилась, время-то уже далеко не детское! Мы немного пошептались о чём-то тривиальном, после чего Оля неожиданно спросила:

– Наташ, скажи, что у тебя там вышло с Прокоповым, почему он так завёлся?

– И за что ты его третируешь? – Вклинилась Леночка.

Я неспешно рассказала им вчерашнюю историю с маленьким концертом бардовской песни около суглинистой лужи, закончившимся полётом Мозгляка вверх тормашками.

– Ты действительно считаешь нас своими подругами? – Поинтересовалась вдруг Лена.

– Конечно, как же ещё?

Девчонки одновременно радостно вздохнули, а Оля неожиданно обняла меня. Я на несколько секунд оторопела, силясь понять, что здесь происходит. Лена украдкой смахивала случайно набежавшую слезу.

– Просто у нас никогда не было подруг, – поведала она мне. – Нам всегда хватало общения друг с другом. А, вот, Степаныч заронил нам сомнение, нормально ли это.

– Конечно, нормально! – Уверила я её. – Ведь, вы же сёстры, да, ещё и похожи, как две капли...

– ...как две капли никотина, которые убивают лошадь! – Рывкнул неожиданно кто-то из парней. Мы с девчонками отгородили себе угол старым покрывалом, но палатка-то была всё равно общей и слышимость была прекрасной. – Спите уже! Развели здесь сантименты сопливые посреди ночи!

– А, ты, я смотрю, у нас уж больно умный! Не ровён час, полысеешь раньше времени. – Предостерегла я невидимого оппонента, который что-то сердито забормотал в ответ. Готова поспорить, что он кинулся проверять макушку в поисках ранней плешки. Парни всегда этого боятся. – Пойдёмте отсюда, девочки. В другом месте сопливые сантименты разведём, раз мы тут кому-то уже проели. *плешь*

Я намеренно сделала ударение на слове «плешь». В ответ услышала сдавленное ругательство. Пообещав прямо сейчас пожаловаться Степанычу на матершинника, мы гуськом прошествовали к выходу, почти никого при этом не потоптав.

Выбравшись, наконец, из палатки мы долго шли по степи в полном молчании. Убедившись, что ушли уже достаточно далеко, и нас не слышно в лагере, мы дали волю своим чувствам. Через две минуты плакала не только чувствительная Леночка, но и мы все. Мы ещё долго обнимались и клялись в вечной дружбе. Знали бы мы тогда, какая судьба нам всем выпадет...

Через пять лет Оля погибнет на соревнованиях. Она была хорошей бобслеисткой, входила в олимпийскую сборную. Разбилась на своих санях из-за недостаточно обработанной трассы. Двое других членов экипажа отделались вывихами и растяжениями, а, вот, она...

Лена поклялась на её могиле прожить эту жизнь за двоих. Так она и поступила. Два высших образования, удачное замужество, четверо детей к двадцати восьми годам (Две двойни и обе разнополые!). Жаль, что наши с ней пути разошлись.

Общаться с обеими близняшками – одно дело, они всегда и во всём дополняли друг друга. С Леной наше взаимопонимание куда-то с годами испарилось. Я не смогла бы уже сейчас обсуждать с ней всё на свете, как раньше, а поведать Лене свою тайну мне бы и в голову не пришло.

У меня есть страшная тайна. Я периодически впадаю в забытё, подобное тому, от которого я только что очнулась в кофейне. Непонятно, почему именно там, я ведь точно помню, что заходила сегодня на работу, мне там нужно было срочно закончить одно дело, несмотря на то, что сегодня выходной.

Помню, как доделала всё, что нужно и заперла бумаги в сейф. Дальше идёт провал, закончившийся нелепой сценой в кофейне и очередной порцией воспоминаний.

Со мной так всегда после провалов – долго не могу прийти в себя и вспомнить, кто я, и что за люди меня окружают, а потом могу погрузиться в воспоминания на весь оставшийся день. Ещё мне иногда снятся кошмары наподобие того, с воплями. Содержание тех снов мне неизвестно, и я не знаю, так ли это плохо.

Начались мои мучения тогда, на археологической практике после первого курса, и с переменным успехом преследуют меня до сего времени.

Мы в тот раз всё-таки раскопали загадочное захоронение. Степаныч, когда убедился, что оно не является плодом нашей коллективной фантазии, вызвал специалистов из ближайшего краевого центра.

Обитательницей кургана оказалась женщина примерно 50 лет, похороненная с воистину царскими почестями. При ней была целая коллекция оружия, немного золотых и серебряных украшений, пригоршня разнокалиберных монет и домашняя утварь, в основном медная. Помимо этого в захоронении лежали кожаные свитки, рассыпавшиеся от времени, несмотря на все наши предосторожности. Зато целыми остались несколько деревянных дощечек, испещрённых руническими знаками. Их ещё предстояло расшифровать. Специалисты признали, что таких находок давно никто не совершал. Захоронение должно было пролить свет на многие неизученные аспекты жизни Предков.

Ещё на волосах воительницы (теперь ни у кого не возникало сомнений, что это именно она – воительница Дубравка) была заколка с надписью, гласившей, что его владелица живёт по заповедям Прави и то же заповедует всем живым и живущим после неё.

Наиболее ценные находки увезли с места раскопок в запечатанном сейфе. За ними специально прибыл издалека бронированный автомобиль с дяденьками в бронежилетах. Степаныч сказал, что в последний раз за находками учебной экспедиции такой автомобиль приезжал лет двадцать назад. В тот день все были тихи и предупредительны друг с другом, словно каждый проникся тожественностью момента.

Что касается меня, я испытала нечто, сходное чувству, которое испытываешь, провозжая в далёкое путешествие лучшего друга или просто очень близкого человека. Степаныч почувствовал моё состояние и, по-отечески водрузив свою тяжёлую ладонь на моё плечо, утешил:

– Не переживай, ты его ещё увидишь! – И нам обоим было понятно, что он имеет в виду тот самый кинжал Дубравки, самостоятельно выбравшийся из её захоронения прямо в мои неопытные руки. – Часть находок, в том числе, малое оружие, отправят прямиком в нашу лабораторию. Нам с вами предстоит ещё долго с ними работать.

– Нам с вами? – Переспросила я, млея от радостного предчувствия. – Значит, вы разрешите мне участвовать в исследованиях?

– Не только разрешу – настаиваю на этом! – Заверил меня Степаныч. – У меня давно уже не было такого толкового помощника. Без тебя я просто заплыву с этими бумажками. Я всегда с ними заплываю! – Я почувствовала, как в моей груди зарождается бурная радость. Хотелось подпрыгнуть и чмокнуть Степаныча в его морщинистую щёку, но я ограничилась лёгким подпрыгиванием на месте и заполошными пожатиями его почти чёрной руки, покрытой взбугрившимися венами. Степаныч, словно не замечая моих телодвижений, продолжал: – И Ольку я бы взял в штат, она очень хорошо чистит артефакты, а, вот, Ленка... По-моему, от неё особого толку не будет.

– Ленка варит классный кофе! – Выпалила я.

На самом деле я понятия не имела, умеет ли моя новая подруга обращаться с кофейными зёрнами и туркой, но это не беда. Надо будет – научиться.

– Да? – Переспросил Степаныч с сомнением в голосе. – Ну, тогда лады, пусть присоединяется.

Я запрыгала на месте, словно мячик, хлопая в ладоши, порывисто обняла Степаныча и побежала делиться радостью с девчонками. Оказалось, что Лена действительно варит замечательный кофе, а Оля давно уже мечтает продолжить то, что начала в той богатой событиями экспедиции.

Остаток нашей практики прошёл в каком-то радостном умиротворении. Мы продолжили раскопки городища, которое, собственно говоря, изрыли вдоль и поперёк наши предшественники. Находки, конечно, были, но все они носили бытовой характер и ничего нового или занимательного в себе не содержали. Вместо полутора месяцев я провела на раскопках все два, прихватив ещё часть каникул. Мне не было жаль этих двух с половиной недель, у меня что, каникул в жизни не было?

По окончании практики Степаныч отвёз нас с девчонками на станцию, посадил в поезд и помахал на прощанье своей мозолистой, задубевшей на степных ветрах рукой. Мы находились в каком-то волшебном полузабытьи, и все наши разговоры вертелись, естественно, вокруг только что пережитого за последние два месяца.

Наш попутчик, дядечка средних лет с небольшой лысинкой и аккуратным брюшком, слушал – слушал нас, да, и плюнул с досады:

– Тьфу, послушать нечего! «Артефакты», «захоронение», «костёр», «половник»! Про женихов-то, когда говорить будете?

Мы недоумённо переглянулись. Увозя с той практики массу ярких впечатлений и воспоминаний (а кое-кто ещё и начинающееся психическое расстройство), никто из нас троих даже не вспомнил о так называемой личной жизни.

– У нас нет женихов! – Выпалила Олька. – Нам, амазонкам, они в принципе не полагаются! – Радостно закончила она и залихватски подмигнула нам с Леной.

– Какие ещё такие амазонки? – Не понял дядечка. – Это которые в Бразилии живут, что ли, по берегам Амазонии? – Уточнил он.

– Это девы-воительницы такие, эх, вы! Историю надо было учить! – Разочаровала его бойкая близняшка.

– Ну, вы, блин, даёте! – Пробурчал дядька и обиженно отвернулся к окну.

Мы же всю дорогу, не переставая шутили на эту тему, и постепенно дяденька тоже оттаял и втянулся в наши разговоры.

Хороший оказался мужичок. Угощал нас абрикосами диковинной красно-жёлтой расцветки величиной с кулак ребёнка. Он рассказывал, что у него тоже две дочки-близняшки, только маленькие, по пять лет. В конце пути дядя Коля (так его звали) признался, что мечтает о том, чтобы его девочки выросли похожими на нас. Было очень приятно.

Глава 11

С радостным послевкусием от поездки я явилась домой, сияя, словно начищенный самовар. Мать встретила меня, как всегда, сдержанно. Она вообще очень сдержанный человек и меня так воспитала. По крайней мере, очень старалась, и ей это почти удалось. Я тоже до определённого момента была очень выдержанной молодой особой, да, и сейчас не отличаюсь бешеным темпераментом, только после той практики у меня начали случаться кратковременные вспышки безудержного гнева, совладать с которым я не могу, как бы ни старалась. К счастью, они были и остаются редкостью. Первая подобная вспышка случилась со мной через три дня после прибытия домой.

Если бы не моё радостно-возбуждённое состояние, я бы сразу обратила внимание на ряд странностей, встретивших меня дома.

Отец не вернулся с работы в положенное время, и я поинтересовалась у мамы, где он. Мама как бы промежду прочим сообщила, что папа в командировке. Я поинтересовалась, что за командировка такая – никогда отца ни в какие командировки не посылали (он работал мастером ремонтно-сборочного цеха на заводе сельхозмашин), а тут вдруг – на тебе!

Мама ответила, что ему срочно потребовалось пройти курсы повышения квалификации в Ленинграде. Я удивилась – ничего себе, ближний свет! Поволжье и Ленинград! Спасибо, что не во Владивосток заслали. На мой вопрос, как долго продлится обучение, мама не смогла ответить сразу. Подумав с минуту, она ответила, что месяца два-три, не больше. Я поохала для порядка и тут же снова принялась болтать о своём, понятно о чём.

На следующий день, едва я разлепила глаза, мама попросила меня подмести и вымыть пол в доме. Повиновавшись, я отметила про себя, что пол и без того чистый. Его явно вымыли накануне.

Я опять не придавала значения, тем более что мама была в отпуске, а, будучи в нём, она убирается почти каждый день. Особенное удовольствие доставляет маме уборка моими руками. Почему они за двадцать лет совместной жизни не родили мне брата или сестру? Хоть было бы на кого иногда спихнуть это тупое занятие. Я не оставляла надежд на «сестринство» лет до пятнадцати, когда стало окончательно ясно, что мне от них никого не дожидаться.

На следующий день история с уборкой повторилась. Я, мухлюя где только возможно, мела и намывала чистый пол, а мама тщательно вытирала мебель, на которой не было ни пылинки. Всё это срочно нужно было сделать до завтрака, и никак иначе!

На третий день я, услышав в очередной раз просьбу подмести и вымыть пол, заныла:
– Мам, ну давай сперва позавтракаем, потом уже будем фигнёй страдать!

Мать поджала губы и холодно поинтересовалась, откуда в моём лексиконе взялись столь вульгарные выражения. Затем я выслушала лекцию о пользе ежедневной влажной уборки и её неопределимом значении в жизни каждой уважающей себя благополучной семьи. Лучше бы я промолчала, а то мало того, что мучает голод (папа приучил меня завтракать в обязательном порядке), ещё и уши в трубочку сворачиваются!

Мама у нас большая любительница порассуждать на тему о том, что полезно, а что вредно, и она так же, как Егор Степаныч, не переносит, когда молодое поколение в моём лице и старшее в лице моего папочки употребляет жаргонные или, того хуже, бранные слова и выражения. Мы с папой давно привыкли к этому, но иногда лекции на нравоучительные темы вкупе с ежедневными «вытиралочками» начинают жутко раздражать, особенно, когда твоя голова, да, и вся твоя жизнь, занята чем-то другим, по-настоящему важным и интересным.

В тот день я, терпеливо выслушивая нотации, рассеянно скребла веником чистый пол, мысленно пребывая там, в степи, в компании парней, Степаныча, близняшек и воительницы Дубравки. Мать с самого начала равнодушно отнеслась к моим восторженным рассказам

об экспедиции и всём ей сопутствующем. Позже она призналась, что, подобно тому дяденьке из поезда, ждала рассказов о бурной личной жизни или хотя бы о безответной любви к какому-нибудь старшекурснику. Я искренне недоумевала, что им всем далась наша с девчонками личная жизнь?!

Мама у меня по специальности микробиолог, а в последние четыре года её назначили исполняющей обязанности начальника лаборатории. Я поражалась, почему за всё это время у высшего руководства не возникло мысли снять приставку «и.о.» и утвердить маму в должности.

Как потом выяснилось, оно, руководство то бишь, не прекращая, искало на эту должность мужчину! Женщина их не устраивала своей половой принадлежностью, и плевать они хотели на все её научные степени (кандидат и без пяти минут доктор биологических наук, доцент, заслуженный микробиолог республики), публикации и прочие заслуги. Равноправие полов они, судя по всему, просто в гробу видали.

Такое ощущение, что женщина в этом мире не человек, что, впрочем, не ново, а женщина без мужчины – не человек вдвойне! Самое обидное, что так считают не только мужчины, но и сами женщины, причём даже те, кто долгие годы вынужден был страдать от фактического неравенства полов, вкалывая при этом не меньше любого мужика.

Тягомотина с маминым утверждением в должности руководителя закончилась распадом СССР, повлёкшим за собой полный развал науки и производства. В то время была упразднена её лаборатория вместе с НИИ республиканского значения.

Однако в этот занимающийся румяный летний денёк всё ещё было на своих местах. Почти всё.

История с подметанием повторилась и на четвёртый день после моего возвращения. В ответ на мамину бесцветно-вежливую просьбу убратся в доме я глухо зарычала. Думаю, можно не говорить, что это произошло неожиданно для меня самой, а про маму и упоминать не приходится.

В глазах моих заплясали уже знакомые по экспедиции серо-буро-малиновые пятна, и слабо сопротивляющееся сознание затопила волна первобытной, безудержной ярости, в считанные мгновения сокрушившей всё на своём пути. Схватив веник за широкий конец, я принялась изо всех сил лупить им об угол. После примерно сорокового удара веник сломался. То есть, он, конечно, не переломился на две неравные части, это невозможно в принципе. Но большинство прутьев было сломано, и пользоваться им уже было нельзя.

Я отбросила ненавистный веник так далеко, как смогла, и он, выбив оконное стекло, приземлился где-то в саду. Метала бы я так те тяжёлые маленькие мячики на уроках физкультуры, но, ведь, нет! Они улетали в лучшем случае метров на десять-пятнадцать.

Попутно я ухитрилась пнуть ведро с водой, заботливо принесённое мамочкой для мытья полов, и мыльная вода с шипением разлилась по полу.

В глазах моих окончательно потемнело, сердце ухнуло вниз, а дыхание с хрипами вырывалось из стеснённой оковами звериного гнева грудной клетки. «Великие Светлые Боги! Что я творю?! – пронеслось в моей голове. – Великие Светлые Боги! Великие Светлые Боги!» – дыхание постепенно начало приходить в норму.

Где-то на краю сознания проскочил недоумённый вопрос: «Как же так? Какие ещё Светлые Боги? Я же атеистка!». Ему не дала ходу мысль о том, что обращение помогло, и моё состояние быстро приходило в норму.

Оглядев прояснившимся взором разгромленную комнату, я уставилась на мать. У меня в тот момент не было стыда, но не было и чувства одержанной победы или чего-то ещё в этом духе. Просить прощения я тоже не собиралась. Мной овладело наглое любопытство человека, который решил для себя, что терять ему совершенно нечего. Я вдруг осознала, что больше не подчиняюсь родительской власти, и мать по большому счёту ничего мне не может сделать.

Она сиротливо стояла на краю мыльной лужи и смотрела на меня так, словно произошедшее только что было вполне закономерным событием. В глазах её не было удивления, гнева или осуждения, и это, надо сказать, поставило меня в тупик.

– Твой отец ушёл от нас, – неожиданно сообщила она будничным голосом.

– Как ушёл? Когда? Почему? – Застрочила я.

Похоже, я заразилась от Степаныча манерой задавать все вопросы сразу.

– Собрал вещи и ушёл к другой женщине две недели назад. Просил передать тебе, что очень перед тобой виноват, но терпеть меня больше не в состоянии. Похоже, что и ты тоже не можешь больше меня терпеть. И никто не может. Кажется, мне уже не осталось места в этом мире, – проговорила она бесцветным голосом.

– Мам, не говори глупостей. Я уборку не могу больше терпеть, у-бор-ку, а не тебя, понимаешь? Сколько можно драить этот долбанный пол... – Я спохватилась.

Целых два жаргонных слова в одном предложении, но матери это было, похоже, безразлично.

– Я жуткая зануда, – проговорила она задумчиво. – Я зануда, и признаю это. Я совершенно занудила вас с отцом. Я занудила свою сестру и племянников. Своих сотрудников я тоже занудила. У меня лаборантки сбегают каждые полгода. Из-за моего занудства ты не захотела пойти по моим стопам, а я так мечтала о том, чтобы ты стала тоже микробиологом.

Ничего себе «мечтала» – даже ни разу не заикнулась об этом!

Мать монотонно перечисляла свои «грехи», а я молча слушала, уставившись на неё во все глаза. Ей просто нужно было выговориться, но тогда я этого не понимала.

Происходящее всё больше казалось мне дурным сном. Погром, устроенный мной в ярости, уже не воспринимался как что-то, выходящее из ряда вон. Так, декорация к творящемуся на моих глазах ужаснячку. Самая жуткая на свете картина – это моя мать, стоящая посреди мыльного раскардана и бесцветным тоном повествующая о своих ошибках.

Ошибках! Подумать только!

Раньше в её лексиконе не существовало выражения «моя ошибка». Всё, что говорилось, всегда было истиной в последней инстанции, а всё, что делалось, делалось исключительно на пользу и во благо. Нам с отцом всегда казалось, что мать стремится стать абсолютно непогрешимой и пытается сделать нас такими же.

Под влиянием матери отец в своё время взялся за ум, окончил машиностроительный техникум. Он перестал выпивать с друзьями и бросил курить. Со временем у него и друзей не осталось вовсе, все схлынули под бесстрастным взглядом моей матушки, для которой хороших людей и дружеского общения не существовало. Она ни о ком не говорила плохо и никому не грубила, но после разговора с ней люди остерегались приходить к нам в дом. Мать так могла построить беседу, что человек ощущал себя в её присутствии полным ничтожеством.

Она всегда была приветлива с собеседником, мило улыбалась, никого не оскорбляла. Однако её вежливые вопросы неизменно заставляли любого почувствовать стыд и неловкость. Она словно видела насквозь все слабые стороны человека и начинала неспешно их «прорабатывать».

Ах, вы бросили институт, как же так? Ваши родители, должно быть, очень огорчены этим поступком (гость покрывается краской). Вы непременно должны восстановиться, и нужно сделать это, как можно скорее (он пунцовеет). Далее перечисление всех неприятностей, подстерегающих молодого человека, добровольно оставившего учёбу (готов от стыда залезть по стол). Хорошо ли вы поняли то, что я вам сказала? Обязательно подумайте об этом, а то будет ещё хуже. Всё, гость сдулся. Несите нового.

Ах, вы собрались купить машину (радостный кивок)? А мне, вот, тут недавно попалась на глаза статистика дорожных происшествий (лицо гостя вытягивается). Вы знаете, сколько людей гибнет ежегодно в авариях на дороге (черты лица его как-то странно перемешиваются)?

Вы выписываете журнал «За рулём» (вежливое недоумение)? Нет? Как же такое возможно? Из каких источников вы в таком случае черпаете сведения об устройстве и возможностях автомобиля (собеседник в ауте)? А вы в курсе, что автомобиль крадёт у человека его двигательную активность? Неужели вы не понимаете, к каким последствиям приводит недостаток движения? Всё, гость-автолюбитель к нам больше не придёт, как не придёт гость-огородник, гость-холостяк, гость-многодетный отец и многие другие гости.

Добавьте к этому «поистине кавказскому» гостеприимству полное вегетарианство и абсолютное неприятие алкоголя в любом виде и получите полную картину.

Неудивительно, что со временем наш дом стал напоминать гробницу Тутанхамона, только без вековой пыли и с окошками. В нём царили чистота, тишина (мама постоянно что-нибудь читала или писала, и ей мешали любые звуки) и абсолютный покой. Как в обители покойника.

Подруги могли приходить ко мне в строго отведённое, заранее оговорённое время, праздники отмечались исключительно в узком семейном кругу. Одним словом, отец ещё очень долго всё это терпел.

Он, подобно тому, как другие дяденьки его круга тайком от жены проносят в дом выпивон, нелегально приобретал где-то «по блату» и проносил сырокопчёную колбасу, которую прятал то в погребе, то в гараже, потому что все тайники в комнатах и тем более в холодильнике мама без труда обнаруживала. Мне он при этом в качестве взятки совал купленные также «по знакомству» шоколадные конфеты, чтобы я ничего не рассказывала матери, но мог бы и не совать, я не любительница сладкого, а рассказывать его секреты и без того не стала бы. Просто не видела в этом никакой необходимости. К тому же, мать вечно занята и недоступна.

Глава 12

Отец давно мечтал о машине, и у него была возможность её приобрести. В те времена авто были в дефиците и распределялись исключительно по предприятиям. Его очередь уже сто раз подошла бы, но... Автомобили вредят здоровью и окружающей среде, требуют внимательного ухода и вложения средств, и, вообще, наличие автомобиля будет поводом для соседей постоянно обращаться с просьбами куда-то их отвезти. В общем, гараж у нас был, а машины в нём не было. Отец в гараже мастерил что-то, чинил сломанные вещи и просто прятался там от надоевших чистоты, порядка и вегетарианства.

Если бы мама захотела, мы могли бы жить очень хорошо материально, но она со временем отучила отца быть добытчиком. Это по её инициативе он ушёл из рабочих в «начальнички». У рабочих зарплата была больше, чем у мастеров, но там, видите ли, не тот круг общения (А, где, собственно говоря, тот?).

Когда появлялась возможность приобрести по очереди или по тому же неистребимому «блату» какую-то дефицитную вещь, выяснялось, что иметь польский мебельный гарнитур или немецкий столовый сервиз – мещанство. Со временем на работе привыкли, что отцу «ничего не надо» и даже не подходили и не предлагали никакого дефицита.

Иногда наш скромный, размеренный быт грубо и бесцеремонно нарушался. Дом наполнялся громким смехом взрослых и озорными криками детей, вещи летели на пол, двери хлопали, в комнате орал телевизор, в кухне не замолкал радиоприёмник.

Это приезжала моя любимая тётушка, сестра матери, со своим многочисленным семейством. Вообще-то она была ей не родная, а двоюродная сестра, просто воспитала тётю моя бабушка, мамина мама. Во время войны кроха осталась совсем одна, отец погиб в первые дни боевых действий, а мать, старшая сестра моей бабушки, умерла от истощения.

Бабушка сумела выходить девочку, которая росла озорной, непослушной, но очень любознательной. Так, дедушке по возвращению с фронта досталась невеста «с приданым», но он не возражал, очень уж любил детей, и всю жизнь сожалел о том, что у них с бабушкой только две дочки, но так уж распорядилась судьба.

Тётушка работает воспитателем в детском саду, знает массу песенок, потешек, смешилок. Когда она читала нам в детстве книжки вслух, не нужно было ни кино, ни театра. Тётя Зина умела разговаривать на разные голоса, мастерски изображала смех и рыдания, умела подражать крикам животных. За какие-нибудь полчаса она могла вырезать из цветной бумаги и картона замок или даже целый средневековый город с фигурками жителей и их домашних животных, и нам, детям, было чем заняться в ближайшие два-три дня, пока не надоест. Тогда тётя Зина придумывала что-то ещё.

Все обожают тётушку за лёгкий нрав, детскую весёлость и хлебосольность. Она часто приглашала нас всей семьёй к себе в гости, но мы принимали приглашение только по большим праздникам или если случался чей-то юбилей. Каждый такой поход был настоящим праздником, а не просто посиделками с выпивочником. Тётя умеет всё организовать, как надо!

Её муж, дядя Лёша – настоящий глава семьи – крепкий, обстоятельный хозяин и добытчик. Он работал на стройке и мог достать всё: от стройматериалов до самых редких лекарств. Как говорила главная героиня небезызвестного фильма, та самая блондинка за углом, умные люди не воруют, они просто немного помогают друг другу. Благодаря дядюшке в их огромной трёхкомнатной квартире был сделан шикарный по тем временам ремонт, холодильник под завязку заполнен деликатесами, а родители и дети одевались лучше всех в районе.

От их щедрот и нам что-то перепадало, но мама всегда поджимала губы, когда наступал момент вручения подарков. Всякие там импортные копчёности и прочие разносолы вредны

для пищеварения, а девочке ни к чему иметь красивую одежду. Если её наряжать, как куклу, она может вырасти избалованной.

Тётя и дядя мастерски умели не замечать маминого молчаливого недовольства, за что я была им ужасно благодарна. Оглядываясь назад, думаю, что они просто жалели нас с отцом, потому и поддерживали отношения вопреки всему.

У тёти Зины и дяди Лёши четверо детей, все, как один, крепкие, горластые непоседы. У них небольшая разница в возрасте со мной и друг с другом. С моими двоюродными сёстрами Верой, Надей и Любой (оригинально, не правда ли?) и братом Серёжей отношения у меня всегда были неровными. Мы то самозабвенно играли все вместе, то не менее самозабвенно дрались и строили друг другу козни, но весть об их приезде неизменно вызывала во мне чувство бурной радости.

Несколько раз я гостила у них на каникулах, и тётин дом, где всегда толкуются гости, приглашённые и случайно зашедшие, всё крутится, вертится и несётся, словно ком под гору, и был раем в моих детских представлениях. Разве это не рай – полон дом детей и взрослых, никто не обращает на тебя внимания, делай, что хочешь! Никаких тебе нотаций и лекций! Есть не заставляют! С уроками не докапываются! Хочешь – бегай себе и играй, сколько душе угодно, а не хочешь, так смотри телевизор или читай в уголке книгу, пока в голову тебе не прилетит мяч или что-нибудь ещё.

Словом, дома мамы и тёти были очень разными, да, и сами они были полными противоположностями. С одной противоположностью я вынужденно жила, с другой отдыхала душой.

При всём безумном ритме жизни моей тётушки она всегда находила время для разговоров о сокровенном с нами, детьми. Она никогда не игнорировала наши детские вопросы, а позже «неразрешимые» подростковые проблемы, и всегда могла дать толковый ответ и дельный совет. Поразительно, как ей удавалось успевать всё, ведь никто не снимал с неё и домашних обязанностей.

Правда как раз на них тётя не была зациклена: уборка раз в неделю или две, самая простая еда, стирка без кипячения, замачивания и прочих «затей», глажка примерно раз в три недели – вот, и весь нехитрый «набор услуг». Дядя иногда мог вяло возмутиться, например, тем, что ужин не готов к его приходу или куча не глаженого белья разрослась до размеров угольного отвала. В ответ на это он получал солидную порцию остроумия в свой адрес. Тётя большая мастерица высмеять. После подобной «смехотерапии» дядя Лёша долго ещё оставался доволен жизнью и бытом.

Для мамы каждый приезд ближайших родственников носил характер катастрофы вселенского масштаба. Охи и ахи начинались за неделю до их приезда и заканчивались недели через три после убытия. Мама не ныла и не жаловалась, а просто спокойным ровным голосом перечисляла, что она не успеет (не успела) сделать и что нужно спрятать от детей (либо уже разбилось – сломалось – потерялось). Не забывала она упомянуть и о том, на что действительно нужное и полезное можно было бы потратить то время, которое гостили у нас родственники и те деньги, что были истрачены на их угощение.

В таких условиях папа своих родственников даже никогда и не приглашал. Я знаю о его сестре и двух братьях (родителей папы уже нет в живых) только понаслышке.

Такие семейные отношения.

Нечему удивляться – ушёл и правильно сделал, вот, только почему он ушёл один? Почему бросил меня в этой условно обитаемой гробнице? Как он мог так поступить со мной? Какое неслыханное предательство!

Самой естественной реакцией сейчас были бы слёзы, но их не было. Я словно окаменела и снаружи, и изнутри.

Мать, между тем, стоя всё на том же месте, говорила и говорила. Смысл её слов уже давно перестал доходить до меня. В какой-то момент мне показалось, что я должна, во что бы то

ни стало, остановить этот поток красноречивого самобичевания, иначе мы вообще непонятно до чего договоримся и задумаемся.

– ... и, будь добра, поспеши устроить свою личную жизнь, а то видишь, что происходит, когда остаёшься незамужней до тридцати лет? – Эва, куда её занесло!

Мать вышла за отца замуж в двадцать девять лет, причём он на пять лет её моложе. Кажется, это был единственный и непоправимый неправильный эпизод в жизни моей великоправедной мамочки. Я так о нём и не узнала бы, если бы при поступлении в универ не потребовались паспортные данные родителей.

Эта тема всегда замалчивалась в нашей маленькой, но такой непогрешимой семье, поэтому факт наличия существенной разницы в возрасте моих родителей в пользу маман стал для меня настоящим шоком. Я тогда от неожиданности побежала делиться своим открытием с тётей, а та рассказала мне захватывающую историю маминого замужества.

Папа, оказывается, на момент знакомства с мамой был довольно-таки ветреным молодым человеком. Он не имел профессии и хорошей работы, жил в общежитии, курил, как паровоз, читал одну только глупую научную фантастику, ел мясо и – страшное дело – нередко выпивал по вечерам с приятелями. Однако маман, к тому времени уже отчаявшаяся выйти замуж, была рада и такому, с позволения сказать, жениху.

Теперь, значит, мне тут открывается страшная семейная тайна, а я стою, уши развесила, и почти ничего не слышу.

– ... и ведь бросил меня, старую кашёлку, и нашёл себе молоденькую... – продолжала, между тем, мать.

– Да кому он сдался?! – Резко прервала её я. – У него зарплата маленькая! И жилья своего нету, – поведала я маме, вызвав недоумение на её невозмутимом, словно маска, лице. – А ещё наш папан – редкостное хамло! – Выдала я и покраснела.

Папа обожал солёные шуточки и солдатские анекдоты. В своё время его отчислили со второго курса военного училища, кажется, за самоволку, а отношения с «гражданкой» так и не сложились. Он буквально катился по наклонной, когда встретил мою мать и прекрасно понимал, что она значит в его жизни. Потому и терпел почти 20 лет всё это безукоризненно чистое вегетарианство, и возраст матери здесь совсем ни при чём. Просто чувство вины и комплекс неполноценности с годами сгладились и поутихли, вот, папан и пустился во все тяжкие.

– Наташенька, не надо так об отце, – прошелестела мать, – не надо! Папа этого не заслуживает! Ты знаешь, какое у него было детство?

– Знаю я всё про его детство! – Парировала я. – Стоптаные башмаки с чужого плеча и одна выходная рубашка на троих тридцать-сорок лет назад – не повод бегать по бабам сейчас! – Отрезала я. – И, вообще, он скоро вернётся. Набегается и приползёт на коленях!

Мои последние слова произвели эффект выстрела в сердце. Мать резко побледнела, спрятала лицо в ладонях и – в первый раз на моей памяти – искренне, по-бабьи разрыдалась.

Глава 13

Я не утешала мать и не говорила больше ничего. Просто стояла и смотрела на неё во все глаза, как смотрят, например, на затмение Солнца, парад планет или что-то ещё в этом духе. Не могу сказать, сколько это продолжалось, но, в конце концов, мы очутились на диване, и мать уже почти спокойно, иногда только всхлипывая, рассказала мне всё.

Новая избранница отца – двадцативосьмилетняя разведёнка с его завода. Что она там делает? Да, так, таскает какие-то бумажки из кабинета в кабинет. Как выглядит? Да, никак. Средненького росточка, худенькая такая, тёмненькая. Красавицей не назовёшь, но и не крокодил. Почему не приглядела себе что-то более подходящее и свободное? Неизвестно. Должно быть, причиной тому её непроходимая глупость, не иначе. Конечно, можно было бы предположить, что отец поиграется и бросит молоденькую дурочку, но это вряд ли. Сорока на хвосте принесла, что она ждёт ребёнка...

Обалдеть! У меня всё-таки будет брат или сестра! Моё детское желание сбылось, но как?! Воистину, кто молит, тому и привалит.

Я сидела подле матери, а она всё говорила и говорила. Я же снова потеряла нить её рассуждений. У меня будет брат или сестра, и я, если захочу, смогу участвовать в его (её) воспитании. Вот, это новость! А ещё, кажется, нам предстоит переезд. Как неудачно я выбила окно!..

– Мам, а где мы теперь жить-то будем? – Прервала я поток маминых слов. – Жилплощадь придётся разменивать!

Мне вспомнился какой-то старый чёрно-белый фильм, где супруги при разводе шумно делили жильё и другое имущество.

– Не придётся, – заверила мать. – Твой отец ушёл, как мужчина, с одним чемоданом.

– А они где жить будут? В общежитии что ли? – Меня начал разбирать дурацкий смех.

Я представила своего немолодого уже папочку на общежитской кухне, завешанной плохо постиранными пелёнками, насквозь прокуренной и провонявшей дешёвой жареной рыбой. Однажды в детстве я видела такое, когда нас с подружкой, тоже Наташкой, однажды занесло в общежитие завода сельхозмашин проводить больную ветрянкой одноклассницу, ещё одну Наташу. Потом мы обе целый месяц делились впечатлениями, а я ещё и ветрянку тогда подхватила.

– Да, нет, Солнышко, у неё есть своя квартира, – прервала мать поток моих детских воспоминаний.

– Ого! – Невольно восхитилась я. – На кой же ляд ей сдался престарелый женатик? – Я спохватилась.

Снова я сказала правду об отце. Так нельзя! Колющую глаза правду говорят только бестактные, невоспитанные люди, как я могла забыть? Однако мать словно бы и не заметила ничего криминального в моих словах.

– Любовь зла, – ответила она задумчиво. – А теперь идём убираться, – заключила неожиданно мать, и я не смогла сдержать смеха.

Закатилась так, как не смеялась, наверное, дня три, с тех пор, как на вокзале мы расстались с Олей и Леной. Мать вскоре принялась мне вторить, и мы долго ещё истерически хохотали, обводя слезящимися глазами нашу гостиную, должно быть уже истосковавшуюся по настоящей уборке. Теперь хоть есть, что убирать, не так обидно возиться в помойном ведре.

Остаток дня ушёл на выметание осколков запасным веником (Мать всегда имела два веника на всякий пожарный, но, видимо, не зря это считается плохой приметой!), поход к стеклышку и устранение прочего ущерба. Вечером мы смотрели концерт по телевизору и спать легли в обычное для нас время. Об отце и его новой семье больше не разговаривали, и всё было спокойно.

Посреди ночи я ощутила во сне уже знакомую тряску.

– Наташа, проснись, Наташенька! Наталья! – Верещала мать, тряся меня за плечи.

Мне подумалось сквозь остатки сна, что у Оли это получалось гораздо мощнее. Мать вообще хрупкая, миниатюрная до прозрачности женщина.

Она натуральная блондинка, но ещё и обесцвечивает волосы в последние лет пять, чтобы скрыть седину. Кожа у мамы белая в мелких веснушках, а глаза настолько светлые, что порой кажутся лишёнными какого бы то ни было оттенка вообще. К тому же, она носит очки в тонкой позолоченной оправе и причёска её такова, словно она делает химическую завивку, как многие женщины, но я-то знаю, что кудрявость её вполне себе натуральная, правда, особого значения для окружающих это не имеет. Для них она обычная «женщина с «химией». Словом, встретив маму на улице, вряд ли обратишь на неё внимание. Идеальная внешность для шпионки.

– Наташа, что тебе приснилось? – Глаза матери, не прикрытые по случаю ночного сна очками, казались совсем круглыми и невероятно испуганными.

– А, что случилось? – Ответила я вопросом на вопрос. – Я кричала?

Сама я уже как-то начала привыкать к своим новым странностям.

– Нет, Наташа, ты не кричала, ты разговаривала...

– Ну, и что? Подумаешь, разговаривала?

Действительно, нашла, чем удивить!

– Ты говорила ужасные вещи, Наташа!

– Неужели называла папочку подлым изменником? – Ядовито поинтересовалась я. – Или отказывалась убираться отныне, присно и вовеки веков?

Мать молча смотрела на меня, мигая своими круглыми глазами. Она явно была не в состоянии оценить мой тонкий юмор. Наконец, она отрицательно покачала головой и медленно проговорила:

– Нет, ты отдавала приказания.

– Какие ещё, к кикиморе болотной, приказания? – Вспылила я. – Кому я могла приказывать, своей левой ногой что ли?!

– Ты повелела (именно так – повелела, с царственными интонациями в голосе) развести погребальные костры и какого-то человека... Имя я не как-то не уловила... Обезглавить! – Последнее слово мать выпалила, зажмурившись.

– Только-то? – Спросила я с напускным равнодушием.

На самом деле последние слова матери повергли меня не просто в страх, а в какой-то панический, мистический ужас. Ужас холодными волнами поднимался откуда-то из глубин души, и волны эти, накатывая одна на другую, душили меня словно в ледяных тисках. Они были настолько материальны, что я даже могла сказать, какого они цвета. Цвет их был ртутно-чёрным с мертвенно-зелёными переливами, как те пятна, которые постепенно заволакивали моё поле зрения.

Я с трудом потрясла своей чугунной головой, забывшей что-то на затвердевшей, словно деревяшка, шее и, собрав волю в кулак, принялась успокаивать мать:

– В этом нет ничего удивительного! Ты знаешь, чего я насмотрелась на раскопках? А какие истории по вечерам рассказывал мне, то есть нам, Степаныч? Самые старые парни по полночи не могли уснуть!

– Старые парни? – Переспросила мать.

– Ну, да! Там были парни, которые уже универ окончили и в армии отслужили, лет по 25 с лишним! – Продолжала я просвещать маму.

Похоже, она уже запоздало сожалела о том, что разрешила мне поехать в ту экспедицию. И, точно:

– Всё! Больше никакой археологии! Лучше в архивах копайся целыми днями, – вообще-то мать этого не любила, потому как в архивах пыль, болезнетворные микроорганизмы, для здоровья вредно, – но только никаких поездок на раскопки!

– Не, мам, так дело не пойдёт, – начала я. – Ну, какой я буду после этого историк? Так,мышь кабинетная (любимое выражение Степаныча).

– Да пусть ты будешь хоть кабинетная вошь! – Во, маман жжёт! Степанычу понравилось бы! – Но больше ты никуда не поедешь! – Мать завелась не по-детски. – Не хватало мне ещё, чтобы ты лишилась рассудка на почве всей этой глупой археологии!

– Мам, ты преувеличиваешь. Ничего ещё не случилось...

– Да! Ничего! – Кипятилась мать. – Ничего, кроме того, что ты сегодня днём буянила, как пьяный мужик, а ночью говорила всякие жуткие вещи! Я не собираюсь это терпеть!

Мать гордо выплыла из комнаты, выключив свет, зато сразу же включила его в своей комнате. «Боится,» – подумала я. Ну, что ж, это нормально. Я и сама теперь боюсь.

Панический страх поселился во мне ещё там, в степи. Степаныч тогда выбрал всё-таки время и дорассказал ту историю с приятелем, нашедшим меч-крест. Вряд ли, конечно, это был тот самый меч, скорее всего, копия. Вот, только после её обнаружения кошмары того мужчину стали мучить вполне настоящие.

В этих снах несчастный видел ужасные картины не то прошлого, не то будущего. Он говорил что-то о разорванных на части младенцах, оживших старых Богах и свирепом огне, выжигающем всё живое. Он почти перестал спать, опасаясь повторения ужасных видений. Обращался к врачу, но тот только выписал снотворное и отнёс его состояние на счёт усталости и стресса.

Всё бы ничего, но у коллеги Степаныча через несколько месяцев открылся дар предвидения. Причём, он мог предсказывать не какие-то там свадьбы и похороны, а глобальные события. Так, он предсказал Карибский кризис 1962 г., затем чехословацкий мятеж против СССР в 1968 г. Не обошёл он своим вниманием и убийство Дж. Кеннеди, и войну, развязанную Штатами во Вьетнаме.

В те времена такого не приветствовали. Его несколько раз вызывали на допросы в КГБ, сотрудники в штатском дежурили у несчастного под окнами, но слежка не дала результатов – историк был чист, как стёклышко. Последней каплей для «органов» стало предсказание о покушении на «дорогого Леонида Ильича».

Дяденьку упекли в психушку, где он вскоре скончался от необъяснимой болезни. Тело выдать родственникам отказались и дали понять, что если те поднимут шум, будет ещё хуже. Для покойника хуже уже не сделаешь, но у него полно живых родственников, так что, сами понимаете.

Всё это не внушало мне оптимизма. Моё материалистическое сознание требовало рациональных объяснений. Возможно, тот человек был слегка «не в себе» от рождения, либо увлекся какими-то древними культами, вот, «кукушка» и слетела.

Ответ Степаныча на мои предположения был резко отрицательным. Мужчина был адекватным, здравомыслящим, не верил в потусторонние силы и даже легенду о том мече услышал уже после того, как нашёл тот самый роковой клинок. Кстати, меч изъяли люди в штатском якобы для изучения его военными специалистами их исторического отдела. Больше его никто не видел, и нигде этот клинок не «всплывал».

В ту ночь я так уже больше толком и не заснула. Глядя в потолок, анализировала события последних недель и приходила к всё более неутешительным выводам.

На мой робкий вопрос о том, что думает Степаныч о природе видений своего покойного приятеля, тот вначале замялся, а потом долго рассуждал о том, что, несмотря на все достижения современной науки, мы ещё далеко не всё знаем о нашем мире, что этот мир гораздо слож-

нее, чем нам кажется. Принялся пересказывать мне теорию Вернадского о ноосфере, которую я слышала от мамы ещё классе в 8-м.

По его разумению мозг приятеля заработал в какой-то новой плоскости, и он смог получать информацию из других слоёв реальности. Я чуть опять не уснула под его рассуждения, и задавать вопросов больше не стала, мне всё с ним было ясно. Неясно лишь одно: что послужило «спусковым крючком» для открытия «сверх способностей»? Неужели контакт с реликвией?

Глава 14

Мои мысли вернулись к кургану Дубравки, и воображение отчётливо нарисовало его. Закрыв глаза, я попыталась мысленно воспроизвести каждую деталь – прерывистый шелест ветра, загромождённые крики птиц, медвяно-горькие запахи трав, цвет неба и предзакатных облаков, медленно ползущих друг за другом. Я словно бы очутилась там снова.

Стоя на значительном отдалении от холмика, которого уже не существовало в реальности, я боковым зрением уловила какое-то движение. Резко повернув голову, я ничего там не увидела.

Медленно, словно бы исподволь, меня начал охватывать тот зеленовато-чёрный, холодный ужас, и я зажмурилась. Открыв глаза, я чуть не закричала. Прямо передо мной, шагах в пятнадцати, стояла девушка в одеянии бордово-пурпурного цвета наподобие того, что носили древне-римские воины, но длиннее. Хотя она и смотрела прямо на меня, лица её я не разглядела. Зато хорошо рассмотрела тёмно-русые, длинные волосы. Ветер трепал их, словно войсковое знамя. У меня в тот момент не было никаких сомнений в том, кому они принадлежали.

– Дубравка! – Крикнула я, что было силы, но из горла рвалось только слабое шипение.

Прокашлявшись, я попыталась крикнуть вновь, и снова ничего не вышло.

Страх мой почему-то испарился. Мне начало казаться, что я непременно должна докричаться до девушки, иначе произойдёт что-то непоправимое. Набрав побольше воздуха, я приготовилась крикнуть ещё раз, но тут произошло нечто совсем уж непредвиденное.

Слух мой неожиданно резанул чей-то совершенно дурацкий смех. Девушка плавно растворилась в воздухе, а перед глазами снова возник не очень ровный, белый потолок моей комнаты. Окно было по случаю жары распахнуто и днём, и ночью, в него задувал лёгкий пред-рассветный ветерок, и вместе с желанной прохладой в комнату врвался пьяный хохот соседа и его собутыльников.

Видимо, благоверная дяди Жени уехала к родителям, а он, как всегда, устроил по случаю её отъезда свою «фирменную» попойку. Обычно они с приятелями дули своё пойло всю ночь, а к утру их начинало тянуть на разговоры и свершения. Вот, и сейчас, сгрудившись у нашего общего забора, мужики живо обсуждали пьяными голосами какую-то глобальную проблему, связанную со стареньким «Запорожцем» гостеприимного хозяина и периодически кого-то из них раздирали припадок идиотского хохота. Да, уж, действительно обхохочешься. Они бы ещё к дырявому тазику мотор приделали – и вперёд, к звёздам!

– Нахалы! – Вклинился в пьяный разговор злой, писклявый голосок. – Нормальным людям спать не даёте совсем! – Это моя маман в очередной раз воспитывала пьянчуг.

Как ей охота? На меня в таких случаях наваливалась апатия, и возмущаться я могла только про себя, да, и то как-то вяло.

– А те чё надо? – Ответил ей обладатель того самого дурацкого смеха. – Те чё, не налили, что ль, орёшь ты тут ни свет, ни заря? – Снова приступ безудержного веселья.

– Женя, если ты сейчас же не уймёшь своих друзей... – Многозначительная пауза.

И мама, и сосед знают уже, что за этим последует. Дальше матушка пригрозит рассказать всё его жене, тот по сюжету дико испугается, уведёт друзей в дом, а поздним утром, едва разлепив глаза, притащится с букетом самых лучших цветов из своего сада (тазиком абрикосов, ведром груш или чего ещё в зависимости от периода времени). Только бы мать молчала.

Потом, расставляя в вазочке цветы или поедая вкуснейшие фрукты (соседские всегда вкуснее!) мы со смехом обсуждали жизнь этой странной семьи. Папа делал вид, что ревнует маму к соседу, та, зардевшись, отмахивалась. В общем, было здорово, и с нами был папа, а сейчас...

Из глаз неожиданно полились слёзы. Раньше я думала, что выражение «слёзы в три ручья» – метафора. Сейчас убедилась в обратном.

Мать всё переругивалась с гостями соседа, но я уже ничего не слышала. Мне было всё равно. Боль затопила меня и, пытаясь найти выход, хлестала горячими струями из моих глаз. Я не успевала вытирать эти струи, такими они были обильными. Через несколько минут я уже умывалась своими слезами.

«Как же так? О, Боги, как же так?! – Стучало в моём раздербаненном на части мозгу. – Я так хотела сестрёнку или братика, но этот ребёнок отнял у меня папу! Как же так? Ну, как же это так?!»

Я плакала очень тихо. Даже не думала, что умею так плакать. Кажется, в тот предрасветный час я так вымочила подушку, как ей никогда ещё ни от кого не доставалось.

Остаток лета мы с матерью провели без эксцессов, но и особой теплоты в наших отношениях не наблюдалось. Моё психическое состояние, как мне тогда показалось, стабилизировалось. По крайней мере, не было больше ни приступов ярости, ни странных ночей, сопровождаемых криками и приказаниями. У меня не повернётся язык сказать «ночей, сопровождаемых кошмарными сновидениями», потому как в те разы и сновидений-то никаких не было. Когда я просыпалась, в голове был чистый лист, словно бы и не снилось ничего.

Учебный год начался неожиданно. Это всегда так: события, которые отворотить никак невозможно, всегда самые неожиданные. Кажется, что у тебя до учебного года (экзаменов, защиты курсовой, планового медосмотра и пр.) ещё полно времени. Вдруг – бах! – событие уже наступило, а ты, как всегда, не готов. В наших краях каждый раз так наступает зима. Все знают, что она непременно наступит, но она всегда приходит неожиданно. И начинается: трамваи не ходят из-за обледенения проводов, отопление в высотных домах не подаётся вовремя, с уборкой снега не справляются и т.д., и т. п.

В последний день каникул я в панике металась по школьному базару, скупая всё, что подвернётся под руку. Я всегда любила, чтобы у меня были чистые тетрадки, разноцветные ручки, линейка, новые фломастеры. Это был первый год, когда на нашем рынке массово появились китайские товары, яркие, нарядные, недорогие. О такой мелочи, как качество мы тогда не задумывались, не было привычки, а зря.

Новые фломастеры мои оказались вначале слишком яркими, пропечатывали две страницы, а потом очень быстро скопытились. Разноцветные ручки потекли и перепачкали мои аккуратные конспекты. Некоторые тетради быстро разлезлись на отдельные листы. Словом, качество оказалось соответствующим цене.

Неожиданно меня подбросило на сидении автомобиля так, что я чуть не ударилась головой о потолок.

Фломастеры! Сегодня утром, когда я собиралась на работу, мне пришлось выслушать целый концерт по поводу фломастеров, которые высохли и больше не желали писать. Ария исполнялась ёперной певицей по имени Ярослава. Она начала ныть про фломастеры, едва разлепив глаза.

Следом выяснилось, что у бедной девочки нет также карандашей, красок, ручек... Она сыпала обвинениями в мой адрес, а я с трудом удерживала себя в рамках. Этому ребёнку доставляет удовольствие заставить меня почувствовать себя плохой матерью, дурой, лентяйкой... В общем, чтобы она замолчала и перестала действовать на нервы, я пообещала вернуться домой с целым ящиком канцтоваров.

Мне всегда было интересно, какой осёл придумал словосочетание «радость материнства»? Да, и можно ли назвать это словосочетанием? Ведь в словосочетании слова должны, как минимум, сочетаться между собой, а радость, если и имеет отношение к материнству, то весьма и весьма отдалённое.

Суровые будни материнства – да, жертвы материнства – безусловно, подвиг материнства – да, да и ещё раз да! Женщины, которые рожают по многу детей, действительно матери-героини. Раньше я не понимала этого выражения. Теперь, имея собственную дочь, прекрасно понимаю. Ещё, я не менее прекрасно теперь знаю, что данный вид героизма не для меня. С одним ребёнком с ума можно сойти, а с двумя-тремя... Нет, даже думать об этом не желаю!

Как хорошо, что моей «наследницей» занимается любящая бабушка! Только благодаря ей я могу спокойно работать, делать карьеру, заниматься собой, ни на что не отвлекаясь. Не представляю, как бы я работала, если бы приходилось водить Ярославу, например, в детский сад. Это же бесконечные проблемы, болячки, дурости в виде заучивания глупейших стишков, придирки воспиталок по поводу и без!..

Работать мне было бы некогда, так и сидела бы на больничном и в отпуске без содержания. Проклятые детсады вечно закрываются то на ремонт, то на карантин, то ещё на что-нибудь, лишь бы не принимать детей. Дети заражаются друг от друга всеми мыслимыми и немыслимыми инфекциями и не могут туда ходить, даже когда эти, с позволения сказать, учреждения работают...

Через мои «заботливые руки» прошло много незадачливых мамочек. Вроде бы и желание работать у них есть, и все данные, а как устроятся, и понеслось – то ребёнок заболел, то садик закрылся. Наученная горьким опытом, я всегда интересуюсь теперь, есть ли у претендентки на должность маленькие дети, и с кем они будут оставаться. После слова «садик», произносимого обычно нежно-мечтательным, сюсюкающим голосом, я под любым предлогом заканчиваю собеседование и прощаюсь с соискательницей. Навеки. Мечтательницам-идеалисткам не место в торговле строительными материалами, это сугубо практическая сфера, а если взрослая тётенька всерьёз полагается на нежно любимый всеми «садик», она законченная мечтательница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.